

Анна Кабатова

На грани

16+

Анна Александровна Кабатова

На грани

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38834259

SelfPub; 2018

Аннотация

Том – обычный подросток. Жизнь размерена, предсказуема, и его это вполне устраивает. Но однажды случается неразделенная любовь. И вот он готов спеть "лебединую песню", выбрал место и даже способ... но не подходящее время. Именно в такой необычной ситуации он знакомится с Питом – человеком, чья жизнь полна невероятных ситуаций, историй и приключений. Сможет ли этот незнакомец изменить жизнь Тома? Какие "подводные камни" ждут его на жизненном пути? Суждено ли ему жить "нормальной" жизнью?

Содержание

Часть первая

5

Конец ознакомительного фрагмента.

95

На грани

Часть первая

I

Моё имя – Томас Джеймс Бальдбридж. Мне немного за сорок, а меня уже признали самым безумным человеком в Соединённых Штатах. Если бы не Пит – мой самый верный товарищ, то я бы закончил самоубийством ещё тридцать лет тому назад. Только благодаря ему я стал по-настоящему счастлив. Он открыл мне жизнь заново.

Я понятия не имею, как долго мой мозг сможет трезво оценивать действительность. У меня осталось примерно несколько дней. Максимум – неделя. И пока мой разум ещё объективно воспринимает реальность, я хотел бы попросить прощения за всё, что сделал не так или и вовсе не сделал, хотя должен был.

Несмотря на то, что я никогда не верил в Бога, я прошу простить меня за все грехи мои. Холли, жена моя, передай детям, что я их люблю и всегда любил, как и тебя, мой ангел. Во всём, что случится после того, как вы получите это письмо, винить только меня. Почтите моего старого друга Пита Рейда хорошей памятью. Навещайте порой его могилу, ведь вы знаете, что кроме нас у него никогда никого не было. Обещайте, что не бросите меня даже в сплошном безумии.

Это не просто рассказ о моей жизни, это – история безграничного и постоянного поиска счастья. Это путешествие

в глубины человеческого сознания, с той философией мира, которая изначально была заложена в нём. Это – жизнь на грани.

II

С тех пор, как я впервые встретил Пита, многое изменилось. Мы стали совершенно иными, во всяком случае я. Но мне не хотелось бы торопить события, поэтому обо всём по порядку.

Жарким июльским летом 1960 года, под палящим солнцем штата Аризона в небольшом городке с фермой на окраине, началась моя жизнь. Я бы многое отдал, чтобы вернуться во времена яркого беззаботного детства, когда не знал горя и печали, чтобы вновь оказаться под опекой родителей. Тем не менее, того времени не вернуть, как и мне уже не стать прежним.

В тот день мои родители получили ожидаемую ими уже 9 месяцев дозу счастья. А я стал обречён на жизнь, граничащую с безумием.

Следующие годы до моего первого отъезда я воспитывался в довольно необычной семье. Совместите учителя музыки с терапевтом, и вы примерно поймёте моё положение. Тяжело расти в идеальной семье, когда ты далёк от идеала. Каждое моё действие поддавалось жесткой критике. А как только появилась возможность присоединить меня к искусству, я был вынужден обучаться игре на рояле. Но я не хочу жаловаться, ведь это время, пожалуй, было одним из лучших

в моей жизни.

Ещё с далёкого времени детства меня поразило тот факт, насколько ограниченным может быть наше сознание. Так, например, только спустя долгое время я увидел тот самый Большой каньон, которым так славится штат Аризона. Мы не видим той красоты, которая находится рядом, и это поразило меня ещё в далёких семидесятих.

Впрочем, есть некоторые события из детства, при воспоминании о которых по коже мурашки бегут. Одним из таких событий стал мой первый юбилей. Сейчас я прекрасно понимаю, что это был всего лишь праздник, но когда тебе десять, мир воспринимается иначе. Что может быть лучше, чем поход в нетронутые человеком места природы?

Другим ярким воспоминанием для меня стала школа. Даже несмотря на всех моих друзей, которые знали, кем хотят быть, я так и не знал, к чему стремиться. Я предпочёл просто плыть по течению, поэтому моя жизнь не особо была наполнена событиями. Предсказуемость и однообразность бытия меня вполне устраивали. Но школа стала для меня ярким воспоминанием не из-за этого.

Всё переменялось, когда пришло время переходить в старшую среднюю школу. Новые люди, новые помещения и даже другие учителя. Меня, как человека, смирившегося с серыми буднями, это напрягало. Тем не менее, очень скоро я убедился, что все мои страхи были напрасными. Новые люди оказались вполне неплохими, а манера преподавания но-

вых учителей оказалась гораздо лучше и интереснее. Особенно меня привлекло искусство. Хотя что ещё можно было ожидать от парня, который с шести лет играет на рояле? Это время перемен стало для меня отличным уроком и одним из источников радости, потому что следующей моей радостью была Нэнси.

С ней мы познакомились в школе, что не есть удивительно. Нэнси была шикарной рыжеволосой девушкой на год моложе меня. Её голубые глаза были подобны морю, утонуть в котором не составит никакого труда. Легкие и грациозные движения её тела могли свести с ума кого-угодно, а любое слово из её уст звучало подобно плоду, пробовать который хочется вновь и вновь.

Оглядываясь сейчас на тот период, я слегка недоумеваю, каким образом наши отношения могли не то что продолжиться, но и вообще существовать. Она была подобна ангелу, спустившемуся с небес, а я был словно змей-искуситель, который губит чужое счастье. Однако, я не сгубил ничье счастье, кроме своего собственного. И, как я упоминал ранее, познакомились мы в школе.

Одним прекрасным апрельским утром, когда солнце было спрятано за серые грозовые тучи, а ветер то и дело пытался унести хоть что-нибудь, я не спеша шагал в школу. То ли механически, то ли осознавая вероятность дождя, в тот день я захватил зонт и очень кстати: через пять минут начался дождь. Не особо желая намокнуть с утра пораньше, да ещё

и на пути в школу, мне ничего другого не оставалось, как достать и раскрыть зонт. Теперь я был в безопасности.

Нэнси же, кажется, вовсе не боялась намокнуть. Выражение её лица оставалось настолько спокойным, насколько это было возможно, и если бы позже я не узнал её довольно близко, то сказал бы, что она даже обрадовалась дождю. Видимо, совесть и сочувствие проснулись во мне, потому что спустя несколько минут, как она появилась в поле моего зрения, я всё же подошёл к ней. Нас под зонтом стало двое. Собрав в единое целое все крутившиеся в моей голове чувства и мысли, я начал разговор:

– Вот гляжу на вас и спорю сам с собой в догадках: заставил ли вас дождь расстроиться или же напротив, он вам по нраву?

– Пожалуй ни то, ни другое, – ответила она. Я удивлённо взглянул, но Нэнси продолжила: – Печально, конечно, что у меня с собой не оказалось зонта, но будь у меня зонт, кому бы я сказала «спасибо» за спасение?

– Не стоит благодарностей, – едва выдавил я из себя, но тут же продолжил, – мне кажется, что на моём месте так поступил бы каждый. Меня, кстати, Томас зовут. Надеюсь, нам по пути?

– Очень приятно, Томас. Меня зовут Нэнси, и если таким образом ты хотел спросить, куда я иду, то путь свой держу в школу святого Мартина. Уроки, знаешь ли, ждать не станут.

– Неужели? Вот же совпадение! – восторженно вырвалось

у меня. – И как мы только не встретились раньше?

Вот чёрт, что я несую? Мой мозг, наверное, уже тогда отключился. Примерно в такой форме вопросов и ответов мы и дошли к нашей школе. Дождь к тому времени уже закончился. Миновав входную дверь, мы распрощались, а Нэнси поблагодарила ещё раз меня за помощь с надеждой встретиться в другой раз.

Проходя школьным коридором, я поймал на себе восхищённый и в то же время довольно удивлённый взгляд Джима – одного из моих одноклассников. Слегка недоумевающая, я спросил:

– Что?

– Ты знаешь, кто это был? – слегка вздрагивая ответил он на вопрос вопросом.

– Девушка, которой я помог.

– Ты и правда не знаешь?

– Не знаю чего?

– Нэнси Грин – дочь директора этой школы. Она учится совершенно иначе, понимаешь? Это редкость, когда она бывает здесь. Девушки вроде нее учатся в частных школах, не так, как мы с тобой. Уж её-то семья может себе это позволить.

– Мне она показалась вполне обычной и простой, – ответил я, в надежде разубедить Джима в его взглядах.

– Держись от нее подальше, Том. И это не угроза. Это мой тебе дружеский совет.

К счастью, фразу его прервал звонок на урок. Так началу дня я ещё никогда не радовался. Могло ли быть утро лучше этого? Для меня – нет. Я радовался всем сердцем и от счастья не находил себе места. Вспоминая тот день сейчас, я понимаю, что начало наших отношений намного превзошло конец. Так вот она какая, первая школьная любовь? Сердце стучало так сильно, как только это было возможно, будто сейчас выпрыгнет из груди, а вот разум перестал работать с того самого момента.

Как это очень часто бывает, счастье не продлилось долго. Прошло три недели с того самого дня, как я встретил её. Как вообще между нами могло что-либо быть? Это были всего лишь небольшие встречи, разговоры и интересное времяпровождение. Спустя три недели, три самых счастливых недели за всю мою тогдашнюю жизнь, которые я упустил, я получил письмо от Нэнси:

«Дорогой Томас, по той причине, что я уезжаю в другую страну, предпочту сказать тебе всё это сейчас. Только не злись и не отчаивайся.

Мне кажется, что это были прекрасные дни, прекрасное время, проведённое с тобой. Как это свойственно большинству, ты хочешь большего, что не является возможным. При всей моей расположенности и симпатии к тебе, дальнейшее развитие наших отношений невозможно. Мы слишком разные, понимаешь? Моя семья решает всё за меня, а я – лишь

пешка на шахматной доске. Всё predetermined: что я буду делать, с кем жить...

Я понимаю, что этим делаю тебе очень больно, но мне от этого не легче. Забудь меня, хорошо? Не пытайся отыскать меня и даже не думай о том, что всё наладится. Всё кончено. Прости за ту боль, которую я причиняю тебе этим письмом. Надеюсь на твоё понимание. И помни: всё будет хорошо. Ты ещё найдёшь ту единственную.

Прощай, твоя Нэнси»

Раз за разом я перечитывал это письмо и чем более я понимал, о чём идёт речь, тем больше меня терзали сомнения, что письмо это писала именно она. Всё как будто спланировано, а зная её три недели, чего вполне было достаточно, я глубоко сомневался, что это её мысли, её слова. Неужели она так относится ко мне? Или её заставили это сделать?

Как бы там ни было, я должен был всё узнать. Несколько вопросов к моим знакомым, и я уже точно знал, где она живёт. Тем самым вечером я был около дома Нэнси, но у меня не было желания выдавать себя, поэтому, как только я услышал чей-то мужской голос, спрятался за высоким и массивным стволом дерева. В темноте было мало что видно, да и не это было сейчас важно. Очень скоро в разговоре я узнал голос Нэнси, а второй голос был слишком молод, как для голоса её отца. Я даже не подозревал, насколько то, что я сей-

час услышу, изменит мою дальнейшую жизнь.

– Ты отправила то письмо?

– Да, он уже должен был его получить. Послушай, Теренс, а если он поймет, что я вовсе не в другой стране? Мне страшно, понимаешь? Ведь я разбиваю ему сердце...

– Но ведь я рядом, верно? Нам нечего бояться. Ты любишь меня, я люблю тебя... Что ещё нам нужно для счастья?

– Правда. Зачем я только так подло обманула?

– Порой правда бьет очень больно. Ложь помогает облегчить правду, смирись с этим. Все лгут. Ты сделала лишь то, что должна была. Вот и всё. Забудь о нём. Ты же его не любишь, верно?

– Что ты, мне нужен только ты, а всё остальное не важно.

Тот ком, который подступил в моём горле, спас меня, а не то я бы очень громко закричал. У меня больше не было сил продолжить прослушивание этого разговора. Так же незаметно, как я сюда пришёл, я фактически сбежал оттуда. Скитаясь улицами ночного города, я вновь и вновь воспроизводил в голове тот разговор. Совершенно не понимая как, я всё же вернулся домой. Все уже спали, что было мне очень даже на руку. В конце концов я вспомнил слова Джима. А ведь он предупреждал меня! И пускай не лгут, что парни не плачут. Всё это сплошное враньё, как и всё то, что когда-либо объединяло меня и Нэнси.

III

Ту ночь я провёл в размышлениях и совсем не спал. На-

вязчивая мысль никак не отпускала, а наоборот, всё больше тревожила мою душу. Вот так, буквально за несколько часов, всё, что я когда-либо делал, вся моя жизнь – всё это потеряло смысл. Тот наивный возраст, когда тебе пятнадцать, почти всегда очень тяжелый. Моё сердце было разбито, я же был предан. Никто вокруг не знал о моих переживаниях, никто не должен был знать, что я чувствую.

Друзей у меня тоже не было, чему я радовался. Те отношения, которые люди называют дружбой, постоянно к чему-то обязывают. А основывается всё на стереотипе, что мы кому-то что-то должны. Должны вытаскивать человека из передраги, быть с ним в самые худшие минуты только потому, что он твой друг. Меня это совершенно не устраивало, как и ограниченность моего окружения. Мы выдели мир по-разному, поэтому между мной и миром стоял барьер, который никто не должен был пересечь.

Я никогда не считал себя особенным, тем не менее, все мои проблемы казались мне неразрешимыми. Семидесятые годы были совершенно иными. К антидепрессантам мало кто склонялся, потому что того количества депрессии тогда не было. А именно это меня сейчас и поражало. Одна ночь – теперь я в депрессии. Я остался один, мне не с кем было поговорить или посоветоваться. Один в поле не воин. Поэтому я пошёл путём слабости. Единственным выходом мне казалось самоубийство.

Как ни странно, но я никогда ещё не сталкивался со смер-

тью так близко. Никогда подумать не мог, что приду к такому решению проблем. Мысли уже было не остановить. Если бы я хотел умереть, то какой смертью? Мне не хотелось каких-либо мучений или боли как таковой, всё что мне было нужно – быстрая и лёгкая смерть. Я не хотел причинять боль кому-то кроме себя. Так ко мне пришло решение – застрелиться.

Набравшись терпения, я пережил этот день адских мук. На следующий день я благополучно вышел на Рамиреса – местного торговца оружием. Любая услуга за твои деньги – для него это было главным. Нашёл я его в заброшенном здании старой церкви, где он часто бывал.

В распоряжении Рамиреса было буквально всё – от мелких пистолетов до снайперских винтовок. Мне нужно было хоть что-нибудь, и единственное, что он мог мне предоставить – старый Кольт, который прожил как минимум в два раза больше меня. Тем не менее, пистолет был рабочим, а это всё, что было для меня важно. Небольшой залог я оставил, следующие деньги я должен был отдать позже или же отработать.

После того, как он отдал мне потёртый пистолет, мы распрощались. Тогда я думал, что больше никогда его не увижу. Неподалёку от церкви было озеро. Прекрасное место не только из-за его красоты, но и из-за того, что людей там почти никогда не бывало. Те мысли, которые мелькали когда-либо в моей голове, слились воедино. Я был готов к по-

следнему шагу.

Как будто специально в тот самый момент на озере пре- бывал ещё один парень, немного старше меня. Он закричал мне, увидев в руках пистолет:

– Эй, остановись! Что ты делаешь?

– Нет смысла больше, всё утрачено, – дрожащим голосом ответил я.

– Значит, ты один из них, да?

– В каком смысле?

– Ты один из тех, кто сдаётся при первой же неудаче. Один из тех, кто считает жизнь худшим, что придумало человече- ство. Один из тех, кто видит выход только в своей смерти. Но ты всё равно не сделаешь этого.

– Почему же, интересно знать?

– Ты трус. Ты один из тех, кто всегда боится чего-то но- вого. И раз уж я здесь, то я не допущу этого, даже если ты найдешь в себе силы перебороть свой страх.

– Ты считаешь меня слабым? Зря, очень зря, – ответил я и нажал на курок.

Но что случилось? Пистолет не выстрелил. Почему? Я за- был о патронах. Какой толк в пистолете без патронов? Тогда парень продолжил:

– Рамирес, да? Он никогда не продаёт заряженное оружие. Так почему же ты пришёл к такому решению? Любовь, дру- зья, родители?

– Любовь.

– Я даже не сомневался. Дай угадаю: вы не похожи, она тебя бросила? Всё как всегда.

Он подошёл ближе и, протянув руку, сказал:

– Вот эту вещицу лучше отдай мне.

Я послушно отдал ему оружие, после чего он продолжил:

– Ведь ты уже третий, кто приходит сюда именно за этим.

Я лишь одного не могу понять: почему вам нужно покончить со всем именно тогда, когда я люблюсь здесь природой? Мало того, что наслаждение прерываете, так ещё и не доводите дело до конца. Глупые нынче подростки пошли, а? Чуть что – так сразу прячутся от своих проблем, сдаются. Зачем тогда вообще стоило что-либо начинать? Тебя как зовут-то?

– Бальдбридж. Томас Бальдбридж.

– Пит Рейд, – ответил он, протянув мне руку.

Я пожал её, после чего он продолжил:

– Я слегка недоумеваю, почему многие люди жалуются на свою жизнь. Мы все так несчастны, у нас нет денег, нас никто не любит... Так давайте все умрём! Счастье рядом, нужно лишь мыслить позитивно и всё. Научись принимать вещи такими, какими они являются. У тебя родители есть?

– Да, у меня полноценная семья. Отец работает учителем музыки, а мать – терапевт.

– И почему же ты здесь? – спросил он, присев на бревно, на котором сидел до этого, и, подвинувшись, добавил: – Присаживайся, не бойся.

– У меня и друзей-то нет, чтобы поделиться с кем-либо

своими проблемами. Затем я влюбился, что в конце концов закончилось депрессией и чуть не закончилось здесь. Иначе говоря, моя жизнь – сплошной фильм ужасов.

– Это твоя жизнь – фильм ужасов? Посмотри на меня! Я бы многое отдал, чтобы хоть один день провести в нормальной семье с родителями, которые меня любят. Если бы я был в твоём возрасте, я бы... Не знаю, я бы просто жил. Потому, что кто не живёт, тот просто умирает. Это твоя-то жизнь ужасна? Скажи это детям в Африке, которые живут в полном голоде, болеют и даже не доживают до твоего возраста. Радуйся, что ты жив и здоров.

Пока что его слова не имели для меня совершенно никакого значения. Более того, я даже было подумал, что он сумасшедший, которого по ошибке выпустили из больницы. Когда он заметил моё выражение лица, то спросил без единой капли удивления в голосе:

– Ты тоже считаешь меня сумасшедшим?

– Нет, что ты, вовсе нет, – поспешил ответить я, но Пит явно мне не поверил:

– Да брось, не скрывай своих мыслей и эмоций. Не носи всё это в себе. А если честно, то я горжусь тобой. В отличие от тех двоих, которые приходили сюда задолго до тебя, у тебя ещё не всё потеряно. Ты гораздо взрослее от своих сверстников, которые так и видят мир сквозь розовые очки. А ты уже попробовал жизнь на вкус? Уверен, что да. В один момент всё тайное станет явным и однажды ты поймёшь, что

я имею в виду. Депрессия случается со всеми, просто нужно переступить через это и идти дальше. И раз уж твои проблемы из-за девушки, то не переживай, ты найдёшь ещё нужную себе пару.

– Почти так же было написано и в письме, из-за которого я здесь. Но не столько из-за него, сколько из-за того, что я видел и слышал дальше.

– Но ведь это же истина, верно? Вот сам посуди: если ты расстаешься с человеком, разве это любовь? На мой взгляд, если человек любит, то люди будут близки независимо от расстояния. Тебе сколько лет, кстати?

– Пятнадцать... будет.

– Серьезно? – с недоверием и искрой удивления спросил Пит. – Я-то думал, что ты гораздо старше. Значит, ты ещё совсем мальчишка. Но это не проблема. Мне скоро двадцать будет, и пока мы отлично ладим, несмотря на разницу в возрасте, что хочу подчеркнуть. А сейчас я хотел бы, чтобы мы несколько минут помолчали, пока я не начну говорить вновь.

Мой взгляд переместился на часы, когда-то подаренные мне отцом, а ему – его отцом, то есть – моим дедушкой. Время близилось к полудню, и, несмотря на то, что на улице был май, было довольно тепло, но я бы предпочёл сказать жарко. Несколько минут мы сидели в полной тишине, и каждый погрузился в свои мысли. Но внезапно Пит сжал мою руку, и на вопросительное выражение моего лица указал пальцем на озеро. Бессознательно я перевёл взгляд на то место, куда

он указал.

Картина была прекрасной – четверо лебедей, плавно снижаясь, приземлились на воду. Я никогда ещё не видел ничего более прекрасного, чем это. Белоснежные птицы со слегка золотоватым оперением на голове плавали на воде и время от времени что-то кричали друг другу на своём, непонятном нам, лебедином языке. Вот одна из птиц окунула свою голову в воду, чтобы немного охладиться от жары, а, возможно, чтобы смыть с себя пыль, осевшую на перьях во время перелёта.

Птицы плавали так некоторое время, а затем взлетели и, плавно паря в воздухе, исчезли так же неожиданно, как и появились. Только тогда Пит вновь осмелился вновь нарушить тишину:

– Они чудесны, не так ли? Каждый раз, когда я прихожу сюда, ровно в полдень они прилетают, плавают некоторое время и улетают. Если ты не знаешь, то это – лебеди тундры. Этим можно любоваться бесконечно. Меня всегда поражало, насколько их удовлетворяет однообразность. Раз за разом, когда лебеди прилетают, они произносят одни и те же звуки. Они счастливы от того, что имеют, им не нужно что-то иное или нечто большее. Я не сказал бы, что они счастливы, если бы не услышал ту радость бытия, которая звучит в их голосе. Вот почему мы не можем так же радоваться, как они? Ведь все наши беды и проблемы существуют лишь у нас в голове. Наша проблема в том, что мы слишком много думаем.

– Ты случайно не сумасшедший? – спросил я, но тут же захотел дать себе подзатыльник за этот вопрос. Пит вовсе не смутился, в отличие от меня, оказавшегося в очень неловком положении:

– Этот вопрос должен был рано или поздно прозвучать. Не бойся, я не обижаюсь на подобные вопросы. Всё дело в моём мировоззрении. Мы по-разному смотрим на мир и жизнь воспринимаем по-разному. Для тебя стакан всегда наполовину пуст, даже когда полон. Для меня же стакан полон всегда. Я научился принимать жизнь такой, какая она есть и поэтому не могу пожаловаться на какие-либо проблемы. Я всегда счастлив и радуюсь хотя бы тому, что жизнь дала мне ещё один день. А как бы ты описал свою жизнь, Том? Ещё недавно ты стоял с пистолетом в руках и был готов к «лебединой песне». Ты сдался. Без обид конечно, но какой девушке нужен парень, который при первой же проблеме сдаётся? И даже если у тебя появляется счастье. То ты не замечаешь его. В твоей жизни поэтому-то и нет смысла. Но не бойся, мы это исправим. А сейчас лучше бы тебе вернуться домой. Борись со своими проблемами, иначе станешь просто жертвой, Том. Держись, скоро увидимся.

– А ты разве не идёшь домой? – спросил я.

– Смирись, у меня нет дома. Мой дом – дикая природа.

– Ты мог бы пожить у нас...

– Мог, если бы хотел. Моя жизнь меня вполне устраивает.

Однако, спасибо за предложение, – прервал меня Пит.

– Тогда пока. И спасибо за жизнь, – ответил я и очень быстро удалился.

Пит уже был довольно далеко, но я всё так же чувствовал его взгляд, провожающий меня. Интересно, он со мной попрощался? Да и как ему живётся?

Этот день закончился как обычно. Я был дома, за ужином с родителями мы обсудили день. Я решил не говорить о своей попытке. Вполне обычный день, не считая того, что было до моего возвращения домой.

IV

После того дня моя жизнь стала такой же серой, какой была до этого. Вновь школьные будни, обычная и привычная жизнь. Я был одним из лучших учеников школы, что успешно было подтверждено итоговыми экзаменами. После того дня время тянулось, на удивление, очень медленно. Из своей депрессии я так и не вышел. Летние каникулы предвещали быть очень скучными. Мне почему-то казалось, что несмотря на мою недавнюю попытку, я помру от скуки.

К огромнейшему моему счастью, на следующий же день после окончания учебного года я получил письмо. Адресант не был указан. «Значит, письмо положили непосредственно в почтовый ящик сегодня утром», – подумал я. В конверте лежал вдвое сложенный клочок бумаги. На нём была лишь короткая надпись: «В то же время на том же месте. Приходи посмотреть на лебедей».

Нетрудно догадаться, от кого это письмо. Следовательно,

Пит был здесь. Как он нашёл меня? Хотя, по правде говоря, не это сейчас меня интересовало. Пит Рейд хочет меня видеть, поэтому я должен прийти. Возможно, это что-то важное.

В полдень я пришёл к озеру. Ничего не изменилось, разве что Пита не было видно. Я сел на то же бревно, на котором сидел некоторое время назад. Это был прекрасный солнечный день, на небе не было ни единого облака, и лишь лёгкий ветерок время от времени пускал рябь по воде. Где же Пит? Я осмотрел глазами местность, но так и не нашёл его.

Внезапно раздался какой-то шум по ту сторону берега, словно в воду бросили что-то тяжелое. По той причине, что я был занят в тот момент совершенно иными вещами, то не увидел, что именно вызвало такой шум. Но в том, что в воду что-то прыгнуло или упало, не было никакого сомнения, что подтверждалось лёгкими кругами на поверхности воды. Примерно секунд через тридцать из воды прямо передо мной показалась голова Пита, а затем – и он сам. С улыбкой на лице он произнёс приветствие, всё так же глядя на моё удивлённое лицо:

– Ты всё же пришёл, Том. И кое-кто явно не ожидал меня встретить именно так. Я-то думал, что у тебя челюсть отвиснет, но ты, дружище, превзошёл все мои ожидания, – после этих слов он засмеялся.

В его смехе была слышна ребяческая радость, свойственная только детям. Как он это делает? Пока я осмысливал всё

увиденное и услышанное, голый до пояса Пит выкручивал свою мокрую от воды кепку. Наконец я спросил:

– Ты всегда так делаешь? Я имею в виду твоё появление на другом берегу.

– Только когда вода позволяет. Иначе говоря, почти постоянно.

– Зачем?

– Я мог бы тебе сказать, что это полезно для здоровья, что есть чистой правдой, но на самом деле мне лень столько идти пешком, когда за считанные секунды можно оказаться на противоположном берегу.

– Не боишься намочнуть?

– Нет, я не только закалён, но и успеваю высыхать, люблюсь лебедями или готовя себе ужин.

– Ладно, как бы там ни было, признаюсь, ты меня поразил. Но я хотел бы вернуться к тому, почему я здесь.

– Хорошо, раз уж ты сам об этом заговорил... Не хочу ничего скрывать от тебя, поэтому скажу всё как есть. Я не задерживаюсь долго на одном месте, мне постоянно нужно что-то новое. Боюсь, что однажды всё новое закончится, но пока мне есть что исследовать, я путешествую разными местами и испытываю различные образы жизни. Сумасшедший я или нет – решать тебе. Но через несколько дней я собираюсь покинуть Аризону. Ничего личного, это прекрасный и гостеприимный штат, да и городок мне ваш нравится. Но дорога ждать не станет. Это как зависимость, понимаешь?

– К чему ты клонишь? Я не совсем понимаю, о чём ты говоришь.

– Так получилось, что я встретил тебя – не какого-то там старика, а пятнадцатилетнего подростка, оказавшегося в трудном положении. Кто-то считает меня безумцем – возможно, так и есть. Но раз уж я встретил тебя, то я решительно настроен изменить твой взгляд на мир и, следовательно, изменить твою жизнь в лучшую сторону. Ведь у тебя свободны летние каникулы, верно?

– Абсолютно.

– Тогда мы можем начать с малого – осуществим путешествие материком. Но только в том случае, если ты согласишься.

– А как же мои родители?

– Они уже взрослые люди. Тебя не будет лишь несколько месяцев, поэтому проживут как-нибудь. К тому же, я ещё не видел человека, с которым не смог бы договориться. Итак, самый важный вопрос: ты согласен?

Что, вот так сразу? Я надеялся хотя бы на некоторое время для размышлений, которого мне, конечно же, не было дано. С одной стороны, перспектива разлуки и неизвестности меня пугала. Но ведь нельзя всё время жить в зоне своего комфорта! С другой стороны, я давно уже хотел познать нечто новое и путешествовать неизведанными землями. Я не мог отказаться от такого шанса изменить свою жизнь, поэтому принял решение, которое очень сильно повлияло на мою

дальнейшую судьбу. Мой собеседник не мог больше ждать, поэтому я согласился.

Пит слегка подёргивал ногой, клацал пальцами и даже произносил какие-то звуки, подражая какой-то, одному ему известной песне. Впрочем, как я позже заметил, он делал это постоянно, каждый раз, когда ожидал чего-либо. Дождаться тишины от него можно было только тогда, когда Пит находился в полном контроле, на чём-то сосредоточившись. Даже во сне он не был спокоен – столько было энергии в нём.

– Да, – наконец нарушив тишину произнёс я.

– Отлично, тогда увидимся сегодня вечером, – радостно ответил он и исчез тем же необычным способом, каким появился. Неужели он не будет сегодня смотреть на лебедей?

Своё слово Пит сдержал. Как только солнце спряталось за горизонт и на улице стало постепенно, но всё же темнеть, во входную дверь нашего дома кто-то постучался. Гостей всегда встречал отец, поэтому и этот случай не стал исключением. Он был удивлён, так как никаких посетителей не ожидалось. Из своей комнаты я увидел Пита, стоявшего на пороге дома, одетого в джинсы и футболку.

– Добрый вечер. Меня зовут Пит Рейд и у меня к вам имеется довольно важный разговор. Позвольте войти? – сразу начал говорить он, как только открылась дверь.

Лёгким и таким свойственным жестом руки отец пригласил Пита войти.

– Что вам нужно? – спросил отец.

– Мне кажется, что нам лучше присесть и поговорить в более спокойной обстановке.

– Что ж, раз так, то проходите, – ответил он, удивлённый таким нахальством.

Они прошли в гостиную, где моя мать занималась тем, чем так любила заниматься – читала книги. Пит сел в кресло напротив дивана, на который сел отец, присоединившись к матери.

– Так что вам нужно? – вновь прозвучал вопрос в адрес Пита.

– Я хотел бы вновь представиться. Меня зовут Пит Рейд. Возможно, я кажусь вам странным, но дело касается вашего сына. Мистер и миссис Бальдбридж, не переживайте, расслабьтесь. Тома я встретил несколько недель назад и выглядел он не самым лучшим образом. Хочу, чтобы вы знали: я здесь не для того, чтобы отнять его у вас. Напротив, я здесь для того, чтобы через несколько месяцев вернуть вам совершенно иного сына. Я хочу дать ему то, чего ему так не хватает. И это счастье. Он в таком возрасте, что влияние на него имеют только друзья, которых у него, разумеется, нет. Он в депрессии, а вытащить его может лишь тот, кто на собственном опыте пережил всё то, что он переживает сейчас. Вы с ним из разных поколений, и чем скорее вам удастся это понять, тем лучше будет для него же. Вы мне доверяете?

– Нет. Кто вы? – фактически единогласно спросили мои родители.

– Я тот, кто готов показать Томасу жизнь с совершенно иной, более прекрасной стороны, – в удивительном спокойствии говорил Пит. – Предлагаю вот что: несколько недель, начиная с ближайшего дня, он путешествует со мной по материку. Ровно через два месяца Том вернётся домой без единой царапинки, но с новыми впечатлениями.

– Вы сумасшедший? – не выдержав, спросила мать.

– С чего вы взяли, что мы вот так просто позволим забрать на два месяца нашего сына? – добавил отец.

– Может быть, стоит спросить самого Томаса? Вы никогда не задумывались, что нужно детям в его возрасте? Я отвечу: им нужна свобода. На вашем месте я бы радовался, что он нашёл друга со странностями, а не прибег к вредным привычкам вроде курения или наркотиков. Ему нужна свобода выбора, свобода действий, мыслей и многих прочих вещей. Предлагаю позвать его прямо сейчас. Эй, Том!

Из подслушивания я должен был перейти в непосредственное участие. Перейдя в соседнюю комнату, я наконец смог нормально разглядеть своего друга. Как и полагается настоящему джентльмену, одна его нога лежала на другой, а осанка была идеально ровной. Популярные в те времена джинсы слегка обтягивали его ноги, будто были ему малы. То же самое можно было сказать и про белую футболку, через которую был виден каждый рельефный изгиб его тела. Но несмотря на его простую одежду, которая главным образом из джинсов, футболки и кед, Пит производил впечатление

человека из высшего общества. Слегка взъерошенные волосы на его голове, которые он то и дело пытался привести в порядок, говорили мне лишь об одном – ему вновь пришлось переплыть озеро, а не обходить его.

Когда я предстал перед сторонами беседы, словно пред судом, на котором решалась моя судьба, отец задал мне краткий и очень ясный вопрос:

– О чём говорит этот молодой человек?

Словно собрав в единое целое все мысли, которые в случайном порядке перемешались у моих родителей, я ответил:

– Я не хотел подслушивать, но он прав. Пит – пожалуй, единственный человек, которому я впервые за столько лет доверяю. И да, я действительно в депрессии. Возможно, вам в своё время было легче, но мы, дети современности, переживаем всё гораздо сложнее. Мне не помешала бы встряска и, если хотите знать, я уже согласился на это предложение.

За свою речь меня переполняла гордость, которой, увы, суждено было длиться недолго.

– Томми, сынок, мы всё, конечно, понимаем, но ведь тебе лишь будет пятнадцать! Пойми, что это – сплошное безумие! Как можно отпустить совсем ещё ребёнка в путешествие материком с совершенно незнакомым человеком?

– А что, если этот чудак прав? Что, если мы и правда не можем дать сыну то, в чём он действительно нуждается? – стал противоречить отец. Стал назревать спор, что само собой не предвещало ничего хорошего.

– Возможно всё, но, Джеймс, ему лишь четырнадцать! Перспектива того, что он встретит свой пятнадцатый день рождения где-то в дороге, или и вовсе в тущобах, неизвестно с кем, меня очень и очень пугает.

– Но ведь нельзя знать наверняка, так никогда и не попробовав! Ты, как доктор, прекрасно знаешь это.

– Да, но речь идёт о нашем сыне, Джейми.

– А что, если? Вряд ли кто-то из нас хочет, чтобы он вырос несчастным. Посмотри на нас с тобой! Я крайне сомневаюсь, что наша, так называемая «любимая», работа была нашей мечтой. Согласись, что это желание нам просто навязали. Так почему бы не дать мальчику осуществить это путешествие, если он этого действительно хочет?

Пока между двумя сторонами происходила не самая приятная дискуссия, я и Пит остались словно в тени. Время от времени мы смотрели друг на друга, ожидая завершения и окончательного решения. Однако, моя мать сдалась даже раньше, чем мы могли бы себе предположить.

– Делайте, что хотите, – ответила она на длинную речь отца и вскоре добавила: – если с ним что-то случится, то это будет полностью на твоей совести.

В глубине души я очень обрадовался, хотя моё лицо по-прежнему не отображало каких-либо эмоций. Спор был окончен и буквально через несколько минут, как только прозвучала нота благословения, Пит ушёл. Тем же вечером, как и следующим утром, меня ожидал довольно серьёзный раз-

говор, о котором особо распространяться не стану. Скажу только, что главной целью его было не что иное, как выражение беспокойства за меня и просьба беречь себя в далёком и неизвестном пути.

Согласно уговору, Пит должен был зайти за мной на следующий день, что он, собственно говоря, и сделал. Как только начало всходить солнце, а улицы начали понемногу оживать, на пороге, словно призрак, который неожиданно появляется и исчезает, возник мой товарищ. Одет он был как вчера, и на какой-то момент мне показалось, что другой одежды у него нет. Возможно, это было правдой, так как, путешествуя с его рюкзаком не нужно много одежды. «В нашем деле, дружище, важно только то, что помещается в рюкзак, с которым можно очень быстро куда-то уехать. Остальные вещи – лишние», – позже научил меня Пит. Тогда я этого совершенно не знал, поэтому, помимо рюкзака за плечами, в руках у меня ещё был чемодан. Сам же я был одет как можно удобнее для путешествий и в чём-то даже стал похож на своего друга. Завидев меня в таком состоянии, невольно Пит спросил:

– Что в чемодане?

– Ничего особенного, – ответил я, – это всего лишь вещи.

– Ты имеешь в виду одежду?

– Абсолютно точно.

– Что ж, – потирая рукой лоб, ответил он, – это уже лишнее. Ты же не на курорт собираешься, верно? Чем меньше

одежды, тем лучше. Поэтому, как мне кажется, чемодан лучше оставить дома.

С явной неохотой я поставил чемодан на его место. Затем прозвучал краткий вопрос, который так любил задавать Пит:

– Ты готов?

– Да, вполне, – ответил я.

– Береги себя, Томми, – сказали родители, когда я с ними прощался.

– Не волнуйтесь, я позабочусь о нём, – ответил Пит, когда я уже вышел из дому.

Стоит добавить, что в предвещании новых впечатлений я так и не уснул прошлой ночью, поэтому чувствовал себя очень уставшим. Даже не знаю, чему я радовался больше: тому, что покинул дом или же тому, что отправился в путь. А, может, это была просто иллюзия радости, навязанная мне сонным организмом. Однако, одну вещь я знал наверняка: приключения только начинались.

V

– Куда мы отправимся сначала?

– В Мексику.

– Но нас же могут не пропустить. Вряд ли я попаду в другую страну.

– Не говори так. Кого волнует, что нас не пропустят, да и кто вообще станет спрашивать чьего-то разрешения? Расслабься и наслаждайся приключениями.

Тем временем мы уже дошли до автобусной станции. Взяв

билеты на первый же автобус, мы отправились в путь. Примерно через четыре часа пути в не самых лучших условиях мы оказались в Финиксе – столице Аризоны. Желания разглядывать это городок, каким бы прекрасным он не являлся, у нас не было, поэтому, подождав немного на дороге, мы нашли двух парней, которые лишь за несколько долларов согласились довезти нас до Тусона. Они были братьями, как я полагаю, и, возможно, именно поэтому не умолкали ни на секунду. Хотя для меня, не спавшего всю ночь, через полчаса болтовня этих ребят с Питом уже не была столь важной.

Проснулся я часа через три или четыре (определить было трудно) от того, что кто-то упрямо пинал меня в бок, желая вытащить из мира сновидений мой разум. Как оказалось, это был не кто иной, как мой друг. В Тусоне мы попрощались с двумя братьями, и больше я никогда их не видел.

Теперь у нас было два варианта: либо из Тусона сразу пересечь границу, либо же добраться до Эль-Пасо, а уже оттуда через Сьюдад-Хуарес попасть в самую Мексику. Так как нашей целью было объехать Северную Америку за два месяца, не удивительно, что выбрали мы именно первый вариант.

В Тусоне у Пита был друг, которого все звали Хромым Джо. Но его настоящее имя не знал никто, кроме его самого. Хромым его прозвали не потому, что он странно ходил или одна нога была больна, но скорее потому, что если к списку его проблем, недостатков и болезней добавить ещё несколько пунктов, то Джо был бы самым больным человеком в ми-

ре. А, быть может, его прозвали так из-за того факта, что все из деда-прадеда мужчины предыдущих поколений Джо были хромыми на левую ногу. Происходило это по разным причинам, но Джо не хромал ни на одну ногу.

Сам же Джо был довольно высоким и к тому же ужасно худым. Не сколько из-за этого, сколько из-за его длинных волос, порой Джо было трудно отличить от девушки. Его маленькое, круглое, да ещё и аккуратное лицо было похоже на лицо какой-то девушки. Даже в его одежде всегда было что-то, что выделяло Джо из толпы мужчин. Нередко из-за этого над ним подшучивали, а он смеялся вместе с другими. Джо не любил, да и не мог долго обижаться.

В Тусоне мы оказались к тому времени, когда уже не обед, но ещё и не вечер. Разыскав Джо на его привычном месте, то есть дома, мы хотели взять у него одну из машин и двинуться вновь в путь. Собственно, за этим-то мы и пришли. Джо занимался автомобилями, которые за определённую плату сдавал в аренду. Пит знал это и нередко пользовался услугами своего друга. Этот раз не стал исключением. Когда мы пришли к Джо, первой его фразой было не приветствие, а вопрос:

– Куда на этот раз, Пит?

– В Мексику. Хочу малышу показать жизнь во всех её красках.

– А что тут показывать-то? Ты или живешь, или нет. Либо ты счастлив, либо нет. Всё зависит от человека и его взгля-

да на мир. Мало хотеть обрести счастье, его нужно добыть путём совершенствования себя. Ну, это ты и сам ему поведаешь. Какую тебе машину на этот раз?

– Как обычно. Красный конь – это, пожалуй, лучшая из всех машин, что у тебя есть.

Мы прошли в кабинет Джо и, оформив все необходимые документы, через полчаса уже снова были в дороге.

Машина ехала плавно и ровно, практически бесшумно. Она легко повиновалась каждому движению руля, поэтому ехать в ней было сплошное удовольствие. Было видно, что Пит влюблён в эту машину.

Первое, что мы сделали после того, как получили машину – поели. В небольшом ресторанчике, что на окраине города, мы утолили свой голод, который появился после стольких часов в дороге. Как я полагаю, никто из нас не ел с самого утра.

Должен признаться, яичницу с беконом в Тусоне готовят бесподобно. А ещё у них были самые шикарные официантки, которых мне когда-либо приходилось видеть. Свой обед мы съели довольно быстро. Закончили мы кофе и пончиками, которые, кстати, тоже были очень вкусными.

Как только мы всё доели и допили, а Пит оплатил счёт, мы вновь прыгнули в «коня» и двинулись в путь. Так как ресторанчик был в самом конце Тусона, то выехали мы из города очень скоро. Оставшись одни на просторах дороги, мы делали что угодно, только не сохраняли спокойствие. Порой

мы даже напевали составленную песню:

«Прощайте город и мой дом,

Не может больше ждать дорога,

Не сожалею ни о чём,

Да здравствуй жизнь, прощай тревога!»

Ехали мы примерно полтора часа и это при том, что Пит выжимал шестьдесят пять миль в час, что довольно-таки много, учитывая ограничения в сорок миль в час. Но для нас, двоих бродяг просторами Аризоны, не было никаких запретов и рамок. Если бы Пит захотел, то он выжал бы из ревущего автомобиля и всю сотню.

За окном мелькала природа. Фермы появлялись и исчезали одна за другой. Но чем дольше мы ехали, тем меньше становилось домиков и ферм, тем больше было между ними различий. Нетрудно догадаться, что мы приближались к долгожданной границе. Прощай, Аризона! Здравствуй, Мексика!

VI

К вечеру мы уже были в Мексике и любовались её прекрасными дикими пейзажами и бескрайними просторами. Ещё через три часа, когда солнце уже начало скрываться за горизонтом, мы нашли пристанище в городке Эрмосильо, по размерам очень напоминавшем мне Тусон. После того дня

Эрмосильо я называл бело-зелёным городом из-за его бело-снежных зданий и зелёных пальм (ведь из большинства деревьев большинство составляли именно пальмы), учитывая, что как первого, так и второго здесь было очень много.

Остановились мы у Пауло – мексиканца по национальности, но бразильца по крови. Это было заметно даже по его внешности: тёмные волосы и карие глаза, но в то же время его кожа была светлее, чем кожа типичного бразильца. Эдакое соединение негроидной расы с европеоидной – вот краткое описание этого парня. На вид ему было около сорока, а на самом же деле Пауло не было и тридцати. Но независимо от того, какими были мы и каким был он, Мексика в лице Пауло приняла нас очень тепло, что запомнилось мне довольно надолго.

Расположились мы в небольшом номере наверху. Здесь стоял лишь базовый набор мебели: пара тумбочек, стул, две кровати по разные стороны комнаты и вазон с кактусом на окне. Хуже этих условий могла быть только улица. К тому же, близость тропического климата давала о себе знать настолько, что даже открытые настежь окна и вентилятор не справлялись с этой жарой, отчего духота ночью была невероятная. Я, не привыкший к таким условиям, не мог уснуть, в отличие от пита, который уже храпел во всю. Попытки уснуть были напрасными, да и заняться больше было нечем, почему я и подошёл к окну. Но старые прогнившие доски под моими ногами скрипели настолько, что разбудили бы даже мёртво-

го. Проснувшийся Пит сразу же спросил меня:

– Далеко ли собрался?

– Ничего не могу с собой поделывать. Не спится.

– Как же я мог забыть об этом? Ну и ладно, давай лучше поговорим.

– О чём? – с недоумением спросил я.

– О чём-угодно. О первом, что придёт тебе в голову.

И мы обсудили историю моей несчастной любви, а также немного поговорили обо мне. В темноте мексиканской ночи не видно было абсолютно ничего, однако я слышал, как Пит, уставший в дороге, сдерживал свою сонливость, слушая меня, и старался внимать каждому моему слову. Когда, казалось, наш разговор подходил к концу, внезапно даже для самого себя я спросил:

– Пит, а ты давно знаком с Джо?

– С Хромым? Фактически с детства. Мы ведь вместе выросли, буквально в соседних домах жили в Денвере. А затем мы уехали кто куда: я – в путешествие, а Джо осел в Тусоне и занялся бизнесом, который ты видел.

– Ты много стран объехал?

– Да нет, только основные: США, Канаду, Мексику, Югославию, СССР и Италию. Планирую ещё в Африке, Азии и Австралии побывать. Ну и Европу объехать до конца.

– И всегда спишь как убитый?

– Сейчас – да. А раньше у меня были те же проблемы, что у тебя сейчас. Но затем я узнал про одну методику и ника-

кая бессонница мне не страшна. А если уж быть честным, то нет лучше снотворного, чем труд и усталость в течение дня. Вот тогда-то я и сплю по-настоящему без задних ног. При всём моём желании разговаривать с тобой ещё и ещё, Том, я очень устал и, надеюсь, ты не против, если все мы немного поспим? Попробуй уснуть любой ценой и не думай о том, что не можешь уснуть. Сконцентрируйся на чём-то весёлом и абстрактном.

– Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – ответил мне Пит.

Это показалось мне довольно странным, но сразу же после разговора я уснул, словно дитя.

Следующим утром разбудил меня не столько шум вокруг, сколько голод моего желудка, требовавшего еды. За окном уж совсем рассвело, а Пит к этому времени уже куда-то девался.

– Пит? – спросил я, тяжело открывая глаза и всматриваясь в освещённую солнцем комнату.

Но как я не старался разглядеть, моего друга здесь не было. В неизвестности я хотел было уснуть, но мой организм как будто говорил мне: «Хватит спать, дорога ждать не станет!». В тот самый момент, когда я встал и подошёл к окну, чтобы рассмотреть утренний Эрмосильо, вошёл Пит и сказал:

– Ты уже встал? Я думал, что вновь придётся пинать тебя в бок, чтобы разбудить.

– Скорее не я проснулся, а мой желудок, требующий еды, причём поскорее, – сказал я, ответив улыбкой на улыбку Пита.

– Именно поэтому я и пришёл. Здесь, у Пауло, уже завтрак подают, а ты всё спишь. Идём скорее!

Не успел я выйти из комнаты, как уже раздался звонкий и отчётливый стук кед по ступенькам. Мне пришлось догонять своего друга несмотря на то, что я так толком и не проснулся.

Всё было очень вкусным не знаю, отчего уж более: от мастерства местных поваров или же от того, что вчера я почти ничего не ел. Буррито и пицца – судя по всему, это был стандартный завтрак здесь. Отдохнув ещё малость, мы покинули и этот город.

Около восьми часов мы пробыли в дороге, не учитывая остановок. За эти восемь часов мы проехали Гуаймас, Эмпальме, Сьюдад-Обрегон, Навохоа и добрались до Лос-Мочиса. На этот раз из машины Пит выжимал все семьдесят миль в час, если не более. Мы ехали бы весь день и всю ночь, если бы к тому времени, как мы добрались до Лос-Мочиса, у нас не закончилось горючее.

Лос-Мочис оказался прекрасным городом на побережье Калифорнийского залива. В этом городе было всё то, что когда-либо видел. Здесь были и каньоны со скалами Аризоны, и бело-зелёный репертуар Эрмосильо, и граница времени между прошлым и нынешним, подобно Тусону. Это был первый город, поразивший меня своей красотой. И если бы

меня спросили о том, хочу ли я остаться здесь, то, несомненно, я бы согласился.

Ещё по пути в город я заметил, что наша машина вела себя малость странно. Пит же, разговаривавший со мной, едва ли успевал глядеть на дорогу, не говоря уже о спидометре. Наша машина летела с огромной скоростью, и, возможно, именно по этой причине бензина нам едва ли хватило до города. Тем не менее, в этом были и позитивные стороны. Во-первых, я никогда ещё не ехал на такой скорости. Во-вторых, если бы не скорость, то я не попал бы в Лос-Мочис.

На бензоколонке, пока Пит вливал бензин в бензобак, мы договорились остаться в этом городе на одну ночь. Мы могли бы ехать дальше, да и с ночлегом мы теряли слишком много времени. Но всё же мы путешествовали, а не просто добирались из пункта А в пункт Б.

В этот раз ночлег нам предоставил коренной мексиканец. Той ночью повторилось всё то же самое, что и предыдущей. На момент мне даже показалось, что я переместился назад во времени. Затем я точно также уснул, мы проснулись, позавтракали и снова двинулись в путь.

Продолжая своё путешествие вдоль побережья Тихого океана, на этот раз мы ехали пятнадцать часов фактически без остановок. Сначала, проехав Кульякан, через пять часов мы добирались к Масатлану – портовому городу на побережье океана, притом не менее красивому, чем Лос-Мочис. Далее мы стали удаляться от побережья и проехали Тепик. За-

тем мелькнули ещё несколько городов, но наибольшими были Гвадалахара и Морелия. Продолжая ехать, на ночлег мы остановились только за несколько минут до полуночи. Зато теперь мы были в столице – Мехико.

Как и любая другая столица, город поражал не только своей красотой, но и своими размерами. Для меня Мехико стал одним из тех немногих городов, которые запоминаются навсегда. А, быть может, так случилось потому, что это был самый большой город, который я когда-либо видел за свою, тогда ещё короткую, жизнь. Мне не хватает слов, чтобы объяснить эту красоту тому, кто ни разу не видел её. Ночью всё воспринимается совершенно иначе. Когда людей на улице почти нет, когда у всех машин выключен мотор, когда шум прекращается, а ты стоишь под звёздным небом в городе необычайной красоты, в котором ты ещё никогда не был, – вот тогда ты понимаешь, что жизнь прекрасна во всех её красках. Жаль, что я, ограниченный своей депрессией, понял это гораздо позже.

В Мехико, не считая той ночи, мы остались всего на один день, но провели его на славу. С Питом мы посетили несколько музеев, а затем – местные достопримечательности. Так как этой ночью мы спали в машине, всё моё тело ужасно болело. Поэтому курс расслабляющей терапии мы тоже не пропустили мимо себя. А какой массаж нам сделали эти красивые и по-своему чудные мексиканочки! Мехико стал городом, где для меня наиболее чувствовался весь мек-

сиканский колорит. Как жаль, что этот день так скоро закончился! Мы вынуждены были ехать далее.

Подобно ребёнку, который постоянно открывает что-то новое для своего мира, я открывал для себя новую жизнь, как бы медленно это не происходило. Я открывал для себя новые города и новые страны, что, даже не знаю, каким образом, приблизило меня к моему персональному счастью.

Следующий день мы также провели в путешествиях и всего через некоторое время, которое было вчетверо или впятеро меньше того времени, что мы потратили, добираясь в Мехико, я и Пит добрались до Акапулько. Сначала я было подумал, что мы на каком-то курорте или острове посреди океана, но это была лишь Мексика. Белые пески, пальмы, а самое главное – океан. Здесь было всё то, о чём сейчас мечтает половина населения планеты.

В Акапулько мы остались на целую неделю и в путь двинулись абсолютно отдохнувшими и безмятежно счастливыми.

VII

После прекрасной недели, проведённой будто в раю, мы вновь поехали туда, куда глядели наши глаза. С момента начала моего путешествия прошло примерно две недели и близился мой пятнадцатый день рождения. Пит наверняка знал об этом, однако для меня он оставался человеком-загадкой почти до конца его жизни. Если он что-то и замышлял в честь моего юбилея, то лишь ему одному было известно, что

именно это должно быть.

Несколько дней мы ехали через Мексику, чтобы добраться обратно в Америку. Мы вновь проехали Мехико и столь же долго, как из Лос-Мочиса мы добирались в Мехико, мы ехали из Мехико в Монтеррей, но оно того, по правде говоря, стоило.

В Монтеррее я заметил одну особенность: днём там делать нечего, хотя можно найти красоту и тогда, когда светит солнце. Но как бы там ни было, она не сравнится с той красотой, которая открывается в вечернем Монтеррее. Когда в городе не светит уже солнце, но и нет ни единой звезды, а небо обретает тёмно-синий цвет... О, это бесподобно! Словно с земной поверхности и вплоть до неба кто-то разлил все краски, которые существуют, словно все цвета радуги слились воедино, образуя гамму, в которой один цвет переходит в другой... Это был Монтеррей, в котором мы провели всего одну ночь.

И вот мы уже вновь были на дороге. Примерно через три часа мы пересекли реку Рио-Гранде и вновь оказались в Америке, штат Техас. По дороге в Остин, куда добрались только к вечеру, мы проехали город Ларедо, что на границе с Мексикой. Несмотря на те знаки и указатели на дороге, что говорили нам о местонахождении, то, что Ларедо был городком на границе, можно было понять и так по одной простой причине: смешанность особенностей двух стран. После Ларедо и всех мексиканских городов, которые мы видели

до этого, у меня наконец сложилась полноценная, а самое главное – верная картина Мексики. Возьмите идеально белоснежные дома и добавьте зелёной растительности побольше. Вот и вся Мексика. Но Ларедо мог похвастать не только обобщающей картиной Мексики, так как было в нём нечто домашнее, американское, что-то, что я никак пока не мог определить из-за недостатка виденных городов США.

Задерживаться мы не стали здесь, так как дорога никогда не желала нас ждать. Поэтому Ларедо я видел через открытые из-за жары окна автомобиля и был на его земле только однажды, когда мы вновь остановились, чтобы заправить автомобиль и поехать.

Через несколько часов после этого мы были в Сан-Антонио, который находился на побережье одноимённой реки. Уже тогда город расширялся довольно стремительно. Появлялись первые многоэтажные здания, которые позже стали небоскрёбами, а Сан-Антонио увеличивал свои размеры, чтобы однажды стать вторым по величине городом Техаса.

Это был полноценный американский город со всеми свойственными особенностями: строгость, соединённая с изысканностью, и поражающая красота, проявлявшая себя в зданиях, в которые был вселён американский дух. Как бы нам не нравился этот город вместе с его прекрасным побережьем, мы направились в Остин.

Чтобы описать Остин, мне не хватит слов. Конечно, ныне он уже совсем иной, но даже тридцать лет тому назад, в

далёких семидесятых, город поразил меня. Коротко описывая Остин, я всегда обращаю внимание на две вещи: Остин – город летучих мышей и Остин – Всемирная столица музыки. Добрались в город мы незадолго до заката, поэтому стали свидетелями вечернего рейда миллионов летучих мышей, отправляющихся на закате солнца на охоту. Прочитав об этом где-то в справочниках, Пит рассказал мне, что ежегодно летучие мыши селятся под мостом Энн Ричардс, так как его конструкция идеально подходит для их размножения.

Однако больше всего меня поразила красота города во время заката. Остин остается всего в двух цветах: рыжем и чёрном, и воды реки Колорадо окрашиваются в золотой цвет. Ночной город, как и дневной, ничем особо не выделялся, кроме как своими размерами и огромным количеством зданий. Но всё же красота его была и остаётся неопишимо разнообразной.

Что же касается Остина, как Всемирной столицы музыки, то прозвали его так из-за большого количества концертных площадок и пабов, из которых то и дело раздавался джаз, временами сменявшийся на кантри и порой даже на тяжелый рок.

В остальном Остин показался мне довольно скучным городишкой, который кроме своих размеров и красоты больше ничем не может похвастаться. Всё это я уже видел в Мехико, но там хотя бы был мексиканский дух. В Остине же не

было ничего. Поэтому следующим утром, как только взошло солнце, мы уехали из столицы Техаса, не оставшись даже на завтрак. А направились мы в Даллас.

Даллас – город в северо-восточной части Техаса на реке Тринити. Все знают Даллас из-за убийства в шестьдесят третьем году президента Кеннеди. Я же знаю Даллас из-за его ковбойской славы. В те времена, когда ещё нигде не было ни то что небоскрёбов, но даже многоэтажных зданий, Даллас был одним из наиболее известных городов Дикого Запада. Но уже в ту пору, когда мы с Питом колесили по Северной Америке, от ковбоев не осталось и следа. Даллас напомнил мне Остин: красивый, большой и скучный. Здесь мы задержались лишь на несколько часов, чтобы поесть и поехать дальше. Тогда я ещё не знал, что безумец Пит решил проехать почти полторы тысячи миль без остановок.

Когда в Далласе он купил много еды, я удивился и спросил:

– Зачем тебе столько еды?

– Нас ждёт длинный путь до Майами-Бич, Том.

– Куда? Да ты явно рехнулся!

– Не плачь, это лишь двадцать часов в дороге.

– И как ты собираешься преодолеть почти полторы тысячи миль без сна?

– Вообще-то тысяча триста пятнадцать, если быть точным. А сделаю я это при помощи кофе, колы и огромной кучи еды.

Сказать, что я был удивлён – фактически ничего не сказать. Я не знаю, как этот сумасшедший человек смог уговорить меня поехать в путешествие. Если бы я тогда знал, что так будет, то не согласился бы ни за что на свете.

Двенадцать часов я держался молодцом и успел увидеть Шривпорт, Джексон, Мобил, Пенсаколу, Панаму Сити-Бич и Таллахасси. Затем я перелез на заднее сиденье и благополучно уснул. Таким образом я побывал в четырёх штатах, не считая Техаса: в Луизиане, в Миссисипи, в Алабаме и, конечно же, во Флориде.

Проснулся я следующим утром где-то около десяти часов утра. Пита, как обычно, не было. Солнце светило мне прямо в лицо. Он что, специально припарковал машину именно так? Однако, жаловаться мне было не на что, ведь к тому времени я уже выспался. И всё же мы были в Майами-Бич, что осознал я только когда вернулся Пит и я окончательно проснулся. К тому времени, как вернулся мой товарищ, я уже вышел из автомобиля и наслаждался пейзажами океана, несмотря на то, что где-то вдалеке ещё были Багамские острова. Пит подошёл сзади так тихо и незаметно, что его голос даже напугал меня:

- Доброе утро и добро пожаловать в Майами-Бич!
- Ты хотя бы спал сегодня ночью?
- Ночью? Нет. Зато я выспался утром. Я разбудил бы тебя раньше, но в этом не было никакого смысла.
- И где же, интересно знать, ты только что был?

– Во-первых, купил карту окрестностей, а во-вторых – набрал еды, чтобы позавтракать.

– А от вчерашнего запаса ничего не осталось?

– Ничего совершенно. А как по-твоему я должен был ехать ночью?

После этого мы позавтракали, сидя на горячем песке. Майами – город не из дешёвых. Однако этот завтрак стоил своих денег. После этого мы сели в машину и я удивлённо спросил:

– Неужели мы не останемся даже на несколько часов?

– Не сейчас. Сейчас есть дело важнее.

– Какое?

– Потом объясню. Где же эта улица? – спросил у себя Пит, глядя на купленную им карту. – Ага, вот она!

И, после того, как он завёл мотор, мы поехали по Майами в поисках чего-то, а чего – я даже не решался представить. Спустя какое-то время или же спустя двадцать три пальмы, которые я увидел, мы заехали в чей-то особняк.

На вид всё было очень роскошным и дорогим. Высокая вилла с бассейном на крыше была ограждена забором высотой минимум в шесть футов. Повсюду стояли охранники. Но общая картина была довольно красивой. Когда мы вышли из нашего автомобиля, некто из парковщиков вызвался припарковать машину на подземную стоянку. Вот тогда-то я удивился ещё больше.

Тем временем Пит показал мне жестом, чтобы я следовал

за ним. Мы подошли ко входу и охранник, одетый в смокинг, не только не остановил нас, но даже открыл перед нами дверь и сказал:

– Проходите, мистер Рейд, хозяин уже ждёт вас.

И мы вошли. Внутри всё оказалось намного дороже, чем было снаружи. Картины на стенах, дорогие ковры, скульптуры и резьблёное дерево были повсюду. Прямо напротив входа находилась широкая лестница, позволяющая пройти на второй этаж и выше. Слева и справа были коридоры, ведущие во все комнаты первого этажа. Мельком я заметил, что комнаты не уступают по стоимости той роскоши, которую я видел при входе.

По широкой деревянной лестнице, которая совершенно не скрипела под ногами, к нам, однако, уже спешил, мужчина лет около тридцати, по всей видимости, хозяин. Из одежды на нём был только халат, под которым, судя по всему, никакой одежды не было вовсе. Он был молод, но короткие, по-армейски стриженные волосы уже начинали седеть. На лицо он был хорош настолько, что без труда был бы признан мистером красоты. Изящные движения были подобны движениям девушки, что ярко отражалось на его походке. Когда же его нога достигла последней ступеньки, парень спрыгнул, таким образом оказавшись прямо перед нами. С распростёртыми объятьями он набросился на Пита и закричал:

– Рейд! Давно не виделись! Какими судьбами?

– Провожу путешествие для малыша в поисках счастья, –

ответил мой друг и, взглянув на него, добавил: – Тебе стоило быть бы скромнее.

Запахнув халат, парень ответил:

– А что в этом такого?

– Это крайне неприлично и, думаю, не только меня это смущает.

– Ладно. Так что привело вас именно ко мне?

– Решили остановиться в райском городке, а жильё здесь дорогое. А ты, судя по всему, никак не прекратишь свои поиски?

– Да, всё никак не остановлюсь. Ты же меня знаешь...

– Простите, а что вы ищете? – смущённо спросил я.

– Как бы тебе это помягче-то? Образно говоря, я ищу воплощение женщины моей мечты и осуществляю свои потребности.

– То есть?

– То есть дарю женщинам любовь. Пит, а он славный малый. Не познакомишь нас?

– Том, это Патрик Рейнольдс. Патрик, это Том Бальдбридж, – с явной неохотой сказал Пит.

Мы дружески пожали руки, а затем прозвучал очень необычный вопрос:

– Это которая уже в твоём списке, Патрик?

– Пятьсот тридцать третья. На этот раз меня привлекли девушки Африки.

– Для вас это и есть счастье? – всё так же неуверенно спро-

сил я.

– А почему бы нет? Я считаю, что счастье – это когда твои желания воплощаются в реальность. Пока я могу делать, что хочу, и оставаться свободным, почему бы не использовать свои возможности?

Патрик был странноват, хотя это ещё мягко сказано. Каждый день в течение недели, которую мы провели в Майами, перед комнатой хозяина стояла большая очередь девушек. Он ни в чём себе не отказывал. Если он хотел получить алкоголь, то это без труда организовывалось. То же самое происходило и со всем, что его окружало.

В Майами мы провели неделю. Были хорошие и просто отличные впечатления, но были и плохие моменты. Одним из них был момент, когда Патрик допился до чёртиков и стал играть со своим дробовиком. Хвала Господу, что мы остались живы после той ночи. Ещё одним неприятным впечатлением остался тот факт, что мы старались не оставаться в особняке днём по одной простой причине: женские стоны не давали нам покоя.

Одним вечером, когда время близилось к ночи, я лежал и молча глядел в высокий потолок нашей комнаты. Несомненно, в этом доме нашлись бы отдельные комнаты для всех людей, которых я знал, но почему-то даже здесь я не оставался один. С этого я и начал разговор:

– Почему мы постоянно спим в одной комнате?

– Таких как ты нельзя оставлять наедине с собой. Быть

может, поэтому?

– Что со мной может случиться? Я в порядке. Только почему-то живу в одном доме с самым настоящим психом.

– Патрик? Нет, он не псих. Просто у каждого из нас своё представление о счастье. Мы не вправе судить человека по его выбору. Если он хочет так жить – пускай делает, как знает.

– А этот Патрик... Как вы познакомились?

– Это чудная история. Но в чём-то он прошёл со мной тот же путь, что я прохожу сейчас с тобой. Ведь когда-то я был таким же отделённым от жизни, как и ты. Я хотел бесконечно ехать, видеть мир, найти счастье и быть там, где не умолкает рок-н-ролл. Мои сверстники лишь хотели быть как все: завести семью, детей, работу и обеспечить себе старость. Это очень сильно ударило по моему отношению к окружающим. Я просто не понимал этого. Уровень моего жизнелюбия стремительно падал, пока однажды, совершенно случайно, я не встретил Патрика. Он был настолько безумным, что я, порой, даже побаивался, чтобы он не сделал чего со мной. Но потом он стал более смирным: нашёл выход в удовлетворении своих потребностей. Я же продолжил путь. Почему-то мне удалось избежать той испорченности, которая свойственна многим людям – удовлетворяться своим текущим положением. Мой поиск всегда направлен на что-то новое. Видимо, у судьбы на меня совершенно иные планы.

– А у тебя много ещё подобных знакомых?

– Нет, не особо. Наш вид стремительно исчезает. В мире всё больше становится смиренных людей, рабов общества и стереотипов. Современная молодежь живёт счастливо, ведь у них ещё есть шанс всё изменить лишь при помощи мысли. Большинство моих друзей выбрали спокойную жизнь, остановившись за шаг до счастья. Почему-то мне кажется, что следующие поколения будут гораздо... несчастнее, что ли. Я анализирую мир век назад и сравниваю его с жизнью сегодня. Я вижу, как развиваются технологии и в недоумении хватаюсь за голову. Как ни странно, но когда я думаю о будущем, то меня гложет страх. Поэтому я стараюсь не думать об этом.

– Почему бы тебе не перестать звать меня «малышом»?

– Ты обижаешься? Для меня это своеобразное название степени образованности.

– Но я же лучший ученик...

– Речь не о системе образования. Очень часто я думаю, что дети попусту тратят годы своей жизни. Они вынуждены ходить в школу и получать лишь второстепенные знания. Как ни странно, но нас никогда не учили быть счастливыми, мыслить позитивно и радоваться жизни. Вместо этого нам забивают голову знаниями и страхами о предстоящей жизни, убивают в нас то божественное, что заложено в нас изначально. Стереотипы разрушают нашу жизнь. Я же говорю о тех знаниях, которые достигаются путём познания и анализа. Вот кем ты собираешься стать, когда придёт время выби-

рать профессию?

– Родители говорят, что перспективно будет...

– Вот, это оно! – вскрикнул Пит и подорвался со своей кровати. – Нам навязывают чужое мнение, через нас осуществляют чужие мечты. Я почти уверен, что тебе никогда не приходила мысль о том, чтобы стать счастливым. Ты никогда не помышлял о том, чтоб выбрать творческую профессию?

– Например?

– Писатель, музыкант, художник. Думаю, что нет. Ведь ты считаешь, что у тебя не получится, верно? Ведь у тебя нет таланта... у тебя нет ничего. Именно на это и существует моя «система». Тебе кажется, что мы просто путешествуем, но это не так. Вскоре ты поймешь, в чём суть этих задушевных разговоров, безумных людей и постоянной езды. А сейчас давай спать. Я ужасно устал.

Следующие несколько дней не влекли за собой ничего особенного, чтобы распространяться о них здесь. Но как только представилась первая возможность, я настоял на том, чтобы сбежать с Майами.

VIII

Порой мне казалось, что Пит теряет контроль и не совладает со своим разумом. Мы всё реже останавливались и всё больше времени проводили в дороге. Мы перестали любоваться мелкими городами с их тишиной и спокойствием. Напротив, мы всё больше путешествовали в предвещании боль-

ших городов, ожидая чего-то невероятного. Но это невероятное, как правило, никогда не осуществлялось.

В тот день, когда рано утром мы уехали из Майами, мы ехали пятнадцать часов без каких-либо остановок. Чтобы поздно вечером оказаться в главном, как мне тогда показалось, городе. Мы, на своём красном автомобиле, миновали четыре штата: Джорджию, Южную Каролину, Северную Каролину и Вирджинию. Из всех штатов запомнилась лишь Вирджиния, ведь только здесь мы увидели более-менее большой город – Ричмонд. Мне понравился этот город, несмотря на краткость времени моего пребывания в нём. Эдакое соединение тишины и хаоса оставило во мне свой след. Ричмонд во многом похож на города Америки, которые так любят изображать в фильмах.

Поздно вечером мы приехали в Вашингтон, округ Колумбия. Этой ночью Пит не поленился взять нам приличный ночлег. Здесь было уютно и хорошо, но все дальнейшие наши пристанища никогда не были равны условиям в Майами.

Вот этот день наступил. Мне исполнилось пятнадцать лет отроду. Но все мои представления не шли ни в какое сравнение с тем, что сделал Пит. Было шесть часов утра. Я проснулся от того, что кто-то очень сильно тормозил меня. Едва ли я успел открыть свои глаза, как некто уже начал поднимать меня на ноги. Открыв свой правый глаз, а затем и левый, я обнаружил, что нарушителем моего сна и покоя был никто иной, как мой приятель, вот уже три недели не дававший мне

расслабиться. С лицом, будто его только что выпустили из специализированной лечебницы, он начал говорить что-то вроде того, что выплюсь на старости. В ответ я лишь про-бормотал абсолютно не связанные звуки, которые чудом образовали слова:

– Дай мне поспать хотя бы в мой юбилей!

– Э, нет, приятель, так не пойдёт. Чем раньше встанешь, тем больше радости успеешь впитать в себя. К тому же, в восемь у нас встреча.

– Какая ещё встреча?

– Важная. С кем – увидишь сам.

Поневоле я встал, потому что шанс продолжить свой удивительный сон был упущен. Очень быстро пришлось одеваться и ещё быстрее – умываться, чтобы хоть немного взбодриться.

Таким ранним утром ни одна закусочная не работает, не говоря уже о ресторанах. Единственное что мы нашли – магазин 24/7 на заправке. Здесь мы набрали шоколадных батончиков и хлеба с овощами. Вот и весь сегодняшний завтрак и это на моё-то пятидесятителетие!

Да и вообще, с самого утра я был зол на Пита. Он не только не поздравил меня с юбилеем, не вручил подарок, но и разбудил меня рано утром. Теперь ещё и накормил неизвестно-чем. Как оказалось гораздо позже, мой гнев, впрочем, как и всегда, был напрасным.

Мы заправили своего «верного коня» и двинулись длин-

ными улицами Вашингтона. Время было раннее, поэтому препятствий в виде машин и людей практически не было. Лишь некоторые исключительные особи время от времени появлялись и исчезали на аллеях. Я так полагаю, что это были либо те, чей рабочий день начинается очень рано, либо те, кто до сих пор не ложился спать после ночи.

Вскоре на Пенсильвания авеню Пит выключил мотор и сказал:

– Всё, выходим.

Некоторое время мы ещё шли пешком. Через несколько минут мы остановились. Что я увидел? На самом деле, ничего особенного. Передо мной находилось нечто вроде парка. Через дорогу были магазины. И, по правде говоря, я очень сильно удивился, почему мы оставили автомобиль так далеко. Но ещё больше я был удивлён, когда оказалось, что мы уже пришли в нужное место.

– И куда же завела нас дорога на этот раз? – с удивлением и явным недоверием к происходящему спросил я.

– А ты просто обернись, – ответил он.

Верно, как же я сразу не догадался оглянуться? Очень зря, потому что стоило лишь мне переместить свой взгляд на всё то, что было позади, как моему взору открылось высокое белое здание. Это было не что иное, как Белый дом – резиденция президента США. Тогда я думал, что мы лишь пришли осмотреть достопримечательность.

– Чего застыл на месте? Идём, – сказал мой друг.

Я последовал за ним. Пару минут спустя, мы уже стояли перед входом. Охранников и телохранителей здесь было гораздо больше, чем в доме Патрика Рейнольдса. И я был вновь удивлён, или, скорее, даже потрясён тем, что и здесь хранители порядка знали моего, порой казавшегося сумасшедшим, друга.

– Добро пожаловать в резиденцию президента, мистер Рейд, – сказал охранник.

Вот мы были внутри. Роскошь излучалась отовсюду: идеально сделанные кабинеты были украшены портретами Линкольна, Франклина, Вашингтона и прочих известных политиков, и деятелей Америки. Здесь также была и дорогая мебель, в частности столы, диваны и стулья. В комнате обязательно стоял флаг государства.

Мы шли длинным коридором и наконец пришли в одну из комнат. Я так полагаю, что это была комната ожидания. Служащий остановил нас и медленно, но с полной серьёзностью проговорил:

– Присаживайтесь, пожалуйста.

После того, как он удалился, мы прождали ещё примерно полчаса в полной тишине. Я уже было подумал, что это шутка, розыгрыш. Всё что угодно могло случиться: от простых подарков до чего-то очень непредсказуемого. В тот момент я больше склонялся к варианту чего-то очень удивительного, если не странного. К тому же, полная тишина заставляла меня нервничать, и я ничего не мог поделать со своим нетер-

пением. Зачем мы здесь? Что вновь задумал Пит? Ответы на все свои вопросы я получил лишь после мучительного ожидания.

Вот дверь распахнулась и перед нами предстал мужчина лет шестидесяти. Мы встали, но когда я присмотрелся, то чуть было не упал. Я потерял дар речи, ведь я узнал этого незнакомца, стоявшего напротив нас. Значит, в школе я учился не напрасно. Перед нами стоял президент Соединённых Штатов Америки.

Он был почти такой же, каким я запомнил его с фотографий: стареющий мужчина, который уже начал лысеть и на лице которого начали появляться морщины. Мистер президент, как и всегда, был одет официально: тёмный смокинг, слепяще-белая рубашка и идеально подходивший ко всему этому галстук.

– Мистер Рейд, – поспешил поздороваться глава государства, протянув руку.

– Мистер президент, – ответил Пит, пожав протянутую ему руку.

– Буду иметь за честь познакомиться с вами, молодой человек, – сказал, повернувшись ко мне, президент и протянул руку.

– Взаимно, мистер президент. Меня зовут Томас Бальдбридж, – ответил я, пожав его руку.

Вот это был подарок! Мы были в Вашингтоне, а передо мной стоял и сжимал мою руку никто иной, как президент

страны. Но было во всём происходящем нечто неловкое, что-то, что меня смущало, и что я никак не мог понять. Всего лишь несколько недель назад я был самым обычным подростком, переживавшим тяжелый период. Теперь же я стоял в Белом доме рядом с президентом.

Уже тогда я начал понимать, что моя жизнь кардинально меняется, пускай это не заметно в данный момент. Я не только начал покидать депрессию, но и стал замечать за собой моменты радости и безмятежного счастья, которые с каждым разом длились дольше. Это был признак того, что я на верном пути, и что спонтанное решение отправиться в путешествие с незнакомцем не было ошибкой.

Ещё больше в своих мыслях я удивился, когда президент узнал моего друга, или, скорее, наставника. Неужели его весь мир знает? Тогда почему же я не знал его и почему он выбрал именно меня?

Я вновь был вынужден вернуться из своего мира мыслей в мир настоящий, где у меня накопилась масса вопросов и, увы, ни единого ответа. Однако, это вовсе не значит, что я собирался оставить эти вопросы нерешёнными.

Тем временем Пит с президентом почти единогласно звали меня, и когда я всё же отозвался, в мой адрес прозвучал вопрос:

– Заснул? Пора просыпаться.

– Нет, просто потерял контакт с реальностью. Задумался, иными словами, – поспешил ответить я, чтобы выйти из

неловкого положения.

Далее мы, во всяком случае я точно, открыли для себя, что такое завтрак по-президентски. На столе стояло много блюд, подобно пиру в королевские времена. Прочие блюда ещё приносились прислугами, если того желал президент или его гости. Комната, называемая столовой, мало чем отличалась от кабинетов и коридоров. Единственной разницей, которую мне удалось заметить, была мебель. В остальном всё было то же самое.

Мистер президент встал и, взяв бокал белого вина, вымолвил тост:

– Кто бы что ни говорил, жизнь прекрасна. Разница лишь в том, как мы воспринимаем эту красоту. Кто-то находит счастье в любви, кто-то – в работе. Поэтому этот бокал красного вина я хочу поднять за тебя, Томми, и пожелать, чтобы ты нашёл своё счастье. Не важно, в чём ты его найдёшь, главное ищи и наслаждайся жизнью. Тебе лишь пятнадцать, мне же несколько дней назад исполнилось шестьдесят два. Поверь словам старика. С Днём рождения, Томас!

Они выпили вино практически до дна и, увидев, что моё вино в бокале так и осталось нетронутым, с лёгким недоумением глава государства спросил:

– Почему же ты даже не попробовал?

– При всём моём почтении, мистер президент, я не пью алкоголя.

– Алкоголь? Брось, это всего лишь вино! Я не заставляю

тебя пить, я лишь прошу попробовать. Не бойся, от одного глотка ничего не будет.

Я знал, что даже так называемый «один глоток» не пройдёт бесследно. Но всё же я не смог отказать и отведал из своего бокала вина. Напрасно я отказывался пробовать. Не потому, что алкоголь сделал меня чуточку веселее, а скорее из-за тонкого, изысканного вкуса белого вина. Попробовав лишь совсем немного, я осознал, что это вино прекрасно, несмотря на мой уровень знаний в этой области, который был равен нулю. Я понял, почему к столу подали именно это вино. Вначале я ощутил аромат зимней свежести, как будто напиток только внесли с мороза. Затем добавилась изысканная гамма весенних ветров, напоенных нектаром цветов и трав. А уже после первого глотка появился вкус первых летних ягод и плодов.

После завтрака ещё некоторое время я провёл с президентом. Мы весело поговорили и в конце он вручил мне упакованный подарок, попросив не открывать его, пока я вновь не окажусь дома. Судя по размерам, это было нечто довольно габаритное. Затем мы вынуждены были ехать, ведь у нас, и у президента были дела.

Моментально наш автомобиль появился около входа. Судя по всему, Пит дал ключи парковщику, так как иной идеи, как машина преодолела расстояние примерно в триста футов у меня не было. Мы сели и вновь уехали. Пока я прощался с президентом, он добавил:

– Не падает лишь тот, кто не идёт. Чтобы ни случилось, подымайся и иди дальше. Ведь я не стал президентом за один день, как и ты не станешь счастливее за несколько недель.

Философия так и излучалась от него, а, быть может, мне это показалось. Возможно, это мой друг его подговорил. Тогда я ещё думал, что эта встреча и есть подарок Пита. Однако, я ошибался.

Через несколько минут после нашего отъезда, мы остановились около книжной лавки. Над ней висела вывеска «Книги коротышки Стива». Типичный магазин, как по мне. С обеих сторон от двери находились стеклянные витрины. Слева были новые поступления, а справа – наиболее популярные книги. Но нас это не интересовало, ведь важно было лишь то, что находилось внутри.

Внутри магазин был гораздо больше, чем казался снаружи. Сперва я даже подумал, что это библиотека. Повсюду стояли самые различные книги: от классики прошлых веков до самых последних книг, выпущенных в мире. Неподалёку от входа сидел мальчик лет семи-восьми, который едва ли доставал до стола, за которым сидел. Справа от входа находилась стойка, за которой должен был находиться продавец, он почему-то отсутствовал. Мы подумали, что продавец – никто иной, как отец этого мальчишки.

– Привет, – сказал Пит к мальчику. – Что рисуешь?

– Море.

– Хм... Я люблю море, – ответил Пит и, взяв стоящий

неподалёку стул, сел около ребёнка.

– А кто же его не любит? Оно прекрасно при любой погоде. Неважно, что происходит: дождь, шторм или просто ясная погода. Море всё равно будет поражать своей красотой.

– Это правда. Позволишь мне помочь?

– Нет, сэр. Я должен нарисовать всё сам.

– Тогда я лишь возьму ещё один листок и покажу тебе кое-что.

Он взял листок и достал из кармана пятицентовик. Положив его под лист, Пит стал рисовать поверх монеты. В результате у него получилась точная копия той стороны монеты, на которой лежал лист. А затем он добавил:

– И вот ещё кое-что. Ты делаешь штрих в разные стороны, а следовало бы делать их в одну сторону: либо вниз-вверх, либо же влево-вправо. Вот попробуй, получится красивее.

Я смотрел на них и вновь удивлялся тому, что видел и слышал. У меня сложилось впечатление, будто Пит – отец этого мальчика. В нём было столько отцовской любви, что на моих глазах слились воедино две души, два сердца, бьющиеся в унисон. Теперь я понял, кто же такой был Пит Рейд. Несмотря на его внешний облик и возраст, который он часто любил называть «двадцать без нескольких месяцев», в душе он остался всё тем же ребёнком лет семи-восьми. Он был таким же мальчишкой, который сидел рядом с ним. На это можно было смотреть вечно. Жаль, что это зрелище так быстро закончилось.

К нам вышел дедушка, который уже едва передвигался даже при помощи трости. Ростом он был ниже меня, учитывая, что мой рост составлял пять с лишним футов. На его голове практически не осталось волос, лишь кое-где виднелись седые волоски. Из огромного количества морщин на лице на нас глядели маленькие чёрные глаза, подобные бусинам. Он спросил нас:

– Вы ко мне?

– Да, сэръ, мы к вам, – ответил я.

– Здравствуйте. Мы приехали за книгами, – подошёл очень тихо и незаметно Пит.

– Вы мистер Бальдбридж, я так полагаю? – спросил у него старик.

– Это я, – вырвалось у меня как реакция на неловкое молчание.

– Сейчас, одну минуту. Следуйте за мной.

Мы пошли за ним в помещение, напоминающее некую кладовку, в которой ничего почти не было. Лишь один большой сундук стоял в центре этой каморки. Мы подошли к нему и старик, вытащив ключ, который он всегда хранил при себе, открыл сундук. В центре его, точно как во всё этой комнате, лежала лишь одна книга, но какая именно я не знал. На обложке не было слов или прочих опознавательных черт.

Старик вытащил её и вручил мне. После этого я спросил:

– Что это за книга?

– Это – классика, – ответил мне Пит. – Что же, спасибо,

сэр.

– Читайте с удовольствием и не забывайте про старого коротышку Стива! – на лице старика загорелась мимолетная улыбка, которая почти сразу же погасла.

Мы вернулись ко входу, но мальчика здесь уже не было. Вместо этого мы обнаружили его в своём автомобиле. До того, как я вышел и хотел попросить его покинуть автомобиль, старик остановил меня:

– Будьте с ним добрее, пожалуйста. Мальчик растёт без родителей.

Вся моя злость, которая необоснованно возникла тогда во мне, внезапно исчезла. Я почувствовал ту любовь, которую чувствовал к этому ребёнку Пит, а, возможно, это была всего лишь нота сочувствия где-то в глубине моей души.

В это время Пит отошёл на несколько десятков футов и купил мороженого ребёнку. В итоге это помогло и мальчик вернулся за свои привычные дела в магазине бабушки Стива.

Мы же вновь двинулись в путь. Ещё через некоторое время мы остановились около магазина музыкальных инструментов, который состоял из нескольких залов. В одних были непосредственно инструменты вроде гитар, саксофонов и скрипок, а в других – необходимое к этим инструментам оборудование. Второй зал не являл для нас надобности, так как всё, что нам было нужно – лишь один инструмент.

У прилавка стоял парень немного старше Пита и с огромной радостью, что за несколько недель сюда пришёл хоть кто-

то кроме хозяина, поприветствовал нас:

– Добрый день! Я могу вам чем-то помочь?

– Да. Это мистер Бальдбридж, и он хотел бы забрать свой заказ, – проговорил в ответ не менее оживлённо мой друг.

– Конечно, сэр. Всё готово и упаковано, как и заказывали.

И парень отдал мне маленькую коробочку, в которой что-то лежало и при всяком движении тарыхтело. Не будь у меня хоть капли приличия и вежливости, я вскрыл бы праздничную обёртку прямо в магазине. Но, как нетрудно догадаться, я этого не стал делать. Вместо этого мы покинули магазин, и я заметил, как постепенно на лице того молодого человека вновь нашли своё отражение не самые лучшие эмоции. Иными словами, он вновь начал грустить.

Нам же было не до грусти, ведь как только мы сели в машину, Пит проговорил те слова, которые я ждал с самого момента своего пробуждения ранним утром:

– Вот как-то так. С Днём рождения, Томми.

– Спасибо, конечно, но когда ты успел сделать всё это?

– С президентом было легко договориться. Однажды я спас ему жизнь, так что он в некоторой мере был мне обязан. Один звонок – и мы уже готовы к встрече. С книжной лавкой, как и с музыкальным центром, было ещё проще. Пока мы разгуливали по улицам и пляжам Майами, Патрик по моей просьбе договорился обо всём сам.

– А что внутри каждого подарка?

– Не открывать же мне перед тобой все свои карты! От-

крой и увидишь всё сам. Я советовал бы начать с последнего подарка.

Я открыл коробку, которую держал в руках. Внутри оказалась ещё одна коробка, украшенная так же. На какой-то момент мне показалось, что внутри ещё одна коробка. Но мне повезло: после этой коробки я добрался до самого подарка.

Это была губная гармошка, оригинал, сделанный в Германии. Не знаю, зачем он мне её подарил, но, видимо, я должен был научиться играть на ней. Попробовав сыграть несколько нот, я осознал, что обучение не будет лёгким.

Далее я открыл книгу. Наверное, в магазине она пролежала не один десяток лет. Я не ошибся. Год выпуска этой книги близился к началу XX века. Пит оказался прав – это действительно была классика мировой литературы.

Как и просил президент, я не стал открывать его подарка. Но всё же любопытство на какой-то момент превзошло все остальные чувства и я решил спросить у своего друга:

– А что в коробке президента?

– Честно говоря, даже не могу себе представить. Я лишь просил о встрече, аргументируя его долгом и твоим юбилеем. Я и не думал, что он тоже вручит тебе подарок. Поэтому здесь ничем не могу тебе помочь. Открой и узнаешь.

– Не могу. Он попросил не открывать, пока я вновь не окажусь дома.

– Значит, терпи и борись со своим любопытством.

После этого он включил мотор и мы вновь двинулись в

далёкий и неизвестный путь.

IX

Мы ехали на север, что легко определялось без компаса лишь из-за изменения температур. К вечеру двадцать четвёртого дня нашего путешествия мы доехали до Балтимора. Расстояние между этими городами меньше сотни миль, но именно из-за моего юбилея, наверное, мы ехали гораздо медленнее чем в предыдущие дни. Видимо, Пит решил обезопасить этот день. Не удивительно, что добрались мы лишь к вечеру, так как из Вашингтона мы выехали тогда, когда время уже было далеко за полдень.

Балтимор – город штата Мэриленд. Он поразил меня лишь после заката, впрочем, как и все города, в которых я был за последние десять дней. Мне начало казаться, что все дневные города ужасно скучны, только если со мной не происходит ничего интересного. Однако, ровно так же все вечерние города были прекрасны для меня. Я любил закат, темноту ночи, но в то же время почему-то боялся смотреть на звёздное небо. Не всегда, конечно, но довольно часто ночное небо пугало меня. Меня пугала неизвестность того, что находится вне нашей планеты. Глядя на звёзды, по непонятной для себя причине, я часто задумывался о смерти, что пугало меня ещё больше. Возможно, я астробоб, а, быть может, это была очередная волна моей депрессии. И всё же в Балтиморе меня одолела скука даже в мой пятнадцатый День рождения. В этом городе я совершенно не хотел останавли-

ваться, ведь он был так близко от Вашингтона. Мы могли бы ехать дальше и добраться до Филадельфии или даже Нью-Йорка, которые были севернее по этой дороге. Но, видимо, судьба решила иначе.

Чтобы поужинать, мы остановились в одной из местных забегаловок, которая была почти пуста, не считая пары-тройки человек. Сев за столик у окна, мы подозвали официантку. Девушка, возрастом едва ли старше Пита, подошла к нам и спросила, чего мы желаем. Ни я, ни уж тем более Пит, который предпочитал простую еду, не стали выбирать что-то дорогое и изысканное, а ограничились простейшей и уже полюбившейся мне яичницей с беконом. Это блюдо напомнило мне о доме, и внезапно меня посетило чувство стыда, что почти за месяц своего путешествия я ни единого раза не связался с родными мне людьми. Я уже был готов бежать, но как всегда «заботящийся» обо мне Пит остановил меня:

– Постой! Куда же ты?

– Мне нужно позвонить домой.

– Позвонишь потом. Сначала ужин.

– Это важнее какого-то ужина, – ответил я и стал идти в направлении выхода, но Пит остановил меня за рукав:

– Да погоди же ты! Зачем тебе куда-то идти? Почему ты не можешь позвонить завтра, например? К тому же, в Аризоне, то есть в твоём маленьком городке этого штата, время гораздо более позднее, чем здесь. Кто знает: вдруг они уже спят?

– Значит, я их разбуду, – ответил на это я коротко и ре-

шитительно вырвал руку из рук своего друга.

К счастью, на улице стоял телефон. Плати деньги и звони, сколько хочешь. Примерно через два гудка после того, как я набрал номер, в трубке я услышал голос самого родного мне человека в мире – моей матери:

– Алло.

– Привет.

– Томми! Как я рада тебя слышать! Как твои дела?

– Мне уже гораздо лучше, спасибо. Мы сейчас в Балтиморе, но несколько часов назад, в Вашингтоне, я встретился с президентом, и он подарил мне подарок.

– С ума сойти! И что же он тебе подарил?

– Не знаю, он попросил не открывать подарка, пока я вновь не окажусь дома.

– Здесь тебя тоже ждёт подарок. Раз уж ты за сотни миль от дома, то позволь нам с отцом сделать это по телефону. Мы поздравляем тебя с Днём рождения и желаем всего наилучшего.

– Спасибо. Так у вас дома всё хорошо? Просто у меня монеты заканчиваются и...

Договорить я не успел, так как именно в тот момент моё время закончилось. За моей спиной стоял незнакомец, взгляд которого едва ли был виден из-под шляпы. Наверное, он пытался изображать из себя ковбоя или мафиози.

– Прошу сэра, проходите.

Но он не дал мне выйти из телефонной будки. Более того,

ЭТОТ «КОВБОЙ» достал нож и сказал:

– Давай деньги.

– Но у меня нет денег. Всё ушло на телефон.

– Давай деньги, – повторил он так же, как будто внутри него находилась пластинка, на которой была записана лишь эта фраза.

– Извини, амиго, денег нет.

– Никто не называет меня амиго и не смеет называть.

Он ушёл, но в том месте, где я схватился за живот, что-то горячее стало согревать мои руки. В тот самый момент до меня наконец дошло, что я ранен.

Сквозь большое окно, возле которого мы расположились и напротив которого находился телефон, я увидел, как Пит, спокойный и невозмутимый, ел свою яичницу и думал о чём-то, лишь одному ему известном. Я хотел было войти внутрь помещения, но вдруг все мои силы куда-то девались, а ноги стали словно ватные. Обессиленный я упал на асфальт, ещё не остывший после палящего дневного солнца Америки.

Что было дальше я узнал лишь гораздо позже. Время от времени мои глаза с трудом открывались и очень стремительно закрывались вновь. Я с трудом различал происходящее вокруг. В один момент я потерял сознание окончательно.

Мне приснился очень странный сон. Я увидел своего дедушку, который умер около двух лет назад и сзади у него почему-то были крылья, подобно ангелу. Вокруг нас окружал

лишь белый свет. Дедушка сказал мне:

– Подходи ближе, не бойся, Томми.

Я послушно выполнил просьбу, но одновременно спросил:

– Где я?

– Ты на промежуточной станции между жизнью и смертью.

– Почему я здесь?

– А как ты думаешь? Совет ещё не определился, оставить ли тебя живым или нет.

– Как я сюда попал? Что вам нужно от меня?

– Ты потерял сознание. Ты на грани, Томми. Я лишь хочу показать тебе кое-что. Присаживайся.

Моментально появились два кресла. Я сел и перед нами появился огромный экран. Видимо, на небесах старика научили пользоваться техникой. Он перемотал фильм вперёд и сказал:

– Теперь смотри внимательно.

Я увидел мальчика, который беззаботно играет в песке. Затем мальчик взрослеет и уровень его радости становится ниже. Он уделяет жизни всё меньше внимания. Постепенно его счастье угасает. Да, он отлично учится, но это, пожалуй, единственное, чем он может похвастать.

– Вот мой любимый момент, – сказал мой дедушка.

На экране появилась девушка, очень похожая на Нэнси. Это, на самом деле, и была она. Я ужаснулся, ведь всё это

могло значить лишь одно: этот мальчик – я.

Далее парень переживает счастье, но очень быстро его теряет. Он готов пристрелить себя. Он в депрессии. Но случайно он встречает молодого человека. Это был Пит. И здесь его жизнь кардинально меняется. Он вышел за пределы зоны своего комфорта. Он наконец-то начал жить. Закончился фильм тем, что парня, то есть меня, ударяет несколько раз ножом некий незнакомец.

– Не знаю, как тебе, но мне в этом фильме нравится только то, что после момента встречи тебя и Пита. Взгляни на то, как ты жил и как живешь сейчас. Уверен, что тебе нравится последний вариант. В своей ограниченной тогда жизни ты вряд ли увидел бы президента и хотя бы половину городов, которые ты видел. Но, увы, я не могу оставить тебя среди живых.

– Почему?

– А зачем давать тебе жизнь, которую ты не ценишь? Ведь ты так и не научился ценить тот подарок, который имеешь. Твоя депрессия не служит твоим оправданием. Ты всё ещё подумываешь о смерти. Почему же ты не можешь быть счастливым? Что гложет тебя изнутри?

– Я правда не знаю. Но будь у меня ещё один шанс...

– И что же изменится?

– Изменяюсь я. Это я с уверенностью могу тебе обещать. Я не знаю с чего начать, но я постараюсь стать счастливым. Надеюсь, что Пит поможет мне в этом.

– Надежда умирает последней, да? Ладно, думаю, что Совет согласится со мной. Я готов дать тебе ещё один шанс. Но готов ли ты дать его себе?

– Несомненно.

– Тогда прощай. Ты же не думаешь, что мы больше никогда не встретимся?

После этого мой сон, если это можно так назвать, прервался. Я очнулся на больничной койке в палате с ещё двумя больными. Рядом с моей постелью на стуле сидел, опустив свою голову на руку, Пит.

Рядом стояли тумбочки, но ни в одной из них не было воды, которой мне ужасно хотелось. На соседней койке лежал старик с перемотанной головой. На койке напротив лежал мужчина ещё совсем молодо и, к тому же, я не видел, чтобы у него хоть что-то было перемотано.

У меня был полностью перемотан живот, который время от времени болел. Я даже не мог пошевелиться, чтобы хоть немного подвинуться. О том, чтобы встать, не могло быть и речи.

Тем временем за окном уже начало светать. Как только солнце стало появляться на горизонте и освещать нашу палату, молодой мужчина встал и начал делать зарядку. Я спросил:

– Который час?

– Половина шестого. А ты почему не спишь?

– Пить хочу.

– С этим придётся подождать. Это можно, если жизненно важные органы не задеты. А тебе повезло с другом.

– Почему же?

– Бедняга не смыкал глаз ни на секунду. Я едва ли убедил его поспать.

– А это кто? – спросил я, взглянув на старика, лежавшего на соседней койке.

– Это Редклиф. Он просто шёл по улице и из ниоткуда получил удар по затылку. Порой он бредит, но я привык и ты привыкнешь. К тому же, скоро его должны забрать родственники.

– Вам не вредно делать зарядку?

– Напротив, это даже полезно. Пулю, которую я случайно схватил в перестрелке, уже третий месяц не могут вытащить из моего тела. Видимо, я так и останусь жить в больнице. А ты почему здесь?

– По случайности. Мы ездим по Северной Америке с другом и попали в Балтимор. Какой-то псих с ножом напал только потому, что я назвал его «амиго» и у меня не было денег. И угораздило же меня попасть сюда в свой пятнадцатый День рождения!

– Да уж. Но не отчаивайся. Ты жив, это уже хорошо. Врач скоро придёт, он всегда приходит рано. А сейчас я могу посоветовать тебе лишь одно: расслабься и наслаждайся музыкой природы. Слушай это прекрасное пение птиц, почувствуй лёгкий ветерок, который входит и выходит сквозь открытое

окно. Радуйся этим пустякам хотя бы потому, что ты живой. Ведь мёртвые больше никогда не почувствуют этого.

И в тот самый момент, когда этот, совершенно незнакомый мне мужчина, сказал эти слова, я наконец-то понял, чего мне так не хватало. Я просто не ценил жизнь. Ведь лишь теряя, мы понимаем истинную ценность всего. После того видения, после того дня в Балтиморе, когда я оказался, как сказал во сне мой дедушка, «на промежуточной станции между жизнью и смертью», я наконец понял, что я живой и что должен ценить это.

Слеза горькая и горячая потекла по моему лицу. Я жалел самого себя. Я пережил несчастную любовь, чуть не пристрелил себя... но лучше бы пристрелил. Теперь же я был ранен и лежал за сотни миль от дома в палате, где рядом сидел виновник всего происходящего. Сейчас мне хотелось умереть так сильно, как не хотелось никогда ранее. Всё вокруг перестало иметь какой-либо смысл.

– Убейте меня, – сказал я мужчине, который уже выполнял отжимания. Затем я повторил эту фразу так громко, как только мог мой обессиленный организм.

Но мужчина позвал медсестру, которая лишь беглым взглядом посмотрела на меня и спросила:

– Что он сказал?

– Он попросил убить его, – ответил мой сосед по палате.

Затем эта девушка вколола мне какой-то препарат и спокойствие стало проникать в меня. Я всё ещё был в депрессии,

которая порой давала знать о себе в виде панических атак. Время от времени их сила возрастала, но я не терял надежды навсегда покинуть их. Сейчас я лишь медленно погружался в сон, но знал, что это состояние ещё вернётся. Никакой медицинский препарат не может вылечить болезни нашего разума.

Мне вновь приснился странный сон и я вновь видел своего дедушку, который покачал головой и сказал:

– Это твой последний шанс. После этого ты знаешь, что я буду вынужден сделать.

И вновь я очнулся в своей палате. Рядом со мной сидел человек в белом халате, по всей видимости, врач. Он был достаточно стар и я не удивился, если бы узнал, что он родился в прошлом веке. Его очки то и дело спадали с кривого носа, поэтому доктор почти постоянно дёргался, чтобы поправлять их. Волосы на его голове очень седые, почти всё лицо скрыто за морщинами, а с правой стороны на лице шрам – такую внешность имел мой доктор. Сам же врач был худой почти до костей, поэтому почти всякая одежда, которую я видел за курс моего лечения, висела на нём. Помимо всего этого он ещё хромал на левую ногу и вместо левой руки у него был протез. Для меня он стал примером человека, который сумел пройти испытания жизни и выйти из этой игры победителем. Я никогда не видел его грустным, ведь ко мне он всегда приходил на ноте оптимизма.

Оглянувшись вокруг, я увидел, что кроме нас двоих в па-

лате больше нет никого. Редклифа, видимо, всё же забрали родственники, пока я спал, а остальных доктор, как он мне сказал, «попросил на выход». Когда я уже мог нормально воспринимать действительность, он коснулся моей руки и, пронзительно взглянув мне в глаза, спросил:

– Томас, ты нормально слышишь и чётко видишь меня?

– Да, вполне, – ответил я слабым голосом.

– Почему так слабо?

– Пить хочу, сэр.

– Неужели никто не подал тебе стакана воды? Ничего, сейчас мы это исправим.

Он поднялся и взял бутылку с водой, которую всегда носил с собой. Приставив ко рту мне бутылку, он сказал:

– Пей очень маленькими глотками. Не глотай всё сразу.

Когда мы выполнили этот пункт, он продолжил:

– Что же, судя по тому, что я вижу, жизненно важные органы не задеты. Нож повредил только кожу, мягкие ткани и несколько кровеносных сосудов. Через несколько дней мы поставим тебя на ноги и ты сможешь вернуться к своей привычной жизни. Уйти всех я попросил не поэтому. Я хотел бы поговорить с тобой о том, что произошло несколько часов назад. Ты можешь коротко описать своё состояние тогда?

– Что здесь описывать? Я хотел смерти, вот и всё. Не совсем уверен, но, кажется, и сейчас хочу. Вся моя жизнь не имеет смысла. Да и зачем всё это? Как вы можете помочь мне?

– Послушай, я лечил пехотинцев на фронте, которые после первого выстрела впадали в такую депрессию, какую твой разум не может представить. Поверь мне, после всего этого я уж как-то справлюсь с пятнадцатилетним юношей.

Далее беседа продлилась недолго и доктор посоветовал мне чаще нагружать тело физически, только не так, как сегодня, чаще бывать на свежем воздухе и заняться искусством. Выбор был невелик: писать, рисовать или же играть музыку. Почему-то изначально я не представлял себя художником, как и писателем. У меня была лишь губная гармошка... А, собственно говоря, почему бы нет?

После того, как доктор ушёл, ко мне пожаловал мой друг Питер Рейд. Первым делом он спросил о моём самочувствии. Когда он убедился, что я в полном порядке, Пит сел на стул и продолжил:

– На самом деле мне глубоко наплевать на всех людей. Но почему-то в тот день, когда ты впервые пришёл на озеро, моё мнение начало меняться. Я почувствовал некую привязанность к тебе и... я жутко волновался этой ночью. Я никогда ни с кем настолько не. Поэтому я хотел бы попросить прощения.

– А вот это уже интересно, – с оживлением в голосе ответил я. – И за что же?

– Я думал, что способен изменить чью-то жизнь, но даже не подозревал, что всё настолько серьезно. А взяв ответственность, я не смог уберечь тебя, как всегда заботясь лишь

о своей эгоистичной шкуре. Я лишь хотел подарить счастье кому-то кроме себя.

– И у тебя это получилось. Мне кажется, что я на верном пути, а этот случай... лишь препятствие на пути к истинному счастью. Я не понимал, что делал, и вот к чему это привело. Не бойся, скоро я стану на ноги, и мы наконец-то сбежим из этого города несчастий. Это не твоя вина. Во всём виноват лишь мой разум, с пессимизмом настроенный на всё новое.

– Набирайся сил, тебе нужно отдохнуть. Если что, я буду неподалёку.

Следующие несколько дней, которые в сумме были равны неделе, я провёл в больничной палате. Я не ошибся: пока под действием морфия, или что там мне вкололи, я спал, Редклифа действительно забрали родные. Что ж, хоть в этом мне повезло: не придётся слушать бред человека с черепно-мозговой травмой.

С моим соседом по палате я познакомился почти сразу же, хоть он был столь же немногословен, как и я. Звали его Эндрю, и ему действительно не повезло. Кто же захочет получить пулю, просто беззаботно прогуливаясь аллеей прекрасным апрельским утром? Пит же настолько переживал, чтобы со мной не случилось чего, что смог уговорить доктора, чтобы занять соседнюю со мной койку. Длинными летними вечерами я читал подаренную мне книгу, а когда смог нормально ходить – прогуливался территорией вокруг больницы. Днём нередко я учился играть на своём музыкальном инструмен-

те и уверен на все сто процентов, что Эндрю ужасно злили мои неудачно извлечённые ноты. Но за всё это время он не сказал мне ни единого слова, за что я ему благодарен.

Должен признаться, в больнице нас кормили лучше, чем во многих кафе и закусочных, которые мы посетили этим месяцем. Порой бывали и такие блюда, от которых невозможно было оторваться из-за удовольствия. Тогда у меня мелькнула мысль: «Зачем мне рестораны? Можно же неплохо поесть и в больнице!».

Через пару дней я свободно передвигался, а ещё через три дня боль полностью исчезла и раны стали заживать. Улучшение было очень заметно.

На седьмой день после нашего прибытия в Балтимор, доктор распрощался с нами навсегда. Следующим утром мы вновь двинулись в путь. К тому времени я уже дочитал свою книгу, но всё же хранил её в память о худших временах. А на гармошке я уже освоил азы и свободно мог играть несколько простейших мелодий.

Теперь же мы наверняка двигались в Филадельфию. Примерно два часа в дороге не прошли даром: глядя на пейзажи за окном, я задумался о настоящей причине всех моих несчастий и бед. В конце концов, я вернулся к фразе, сказанной Питом когда-то ранее: «Все наши проблемы лишь в нашей голове». Лишь после месяца, проведённого в дороге и после двух шансов, данных мне моим ангелом-хранителем, я по-настоящему начал ценить жизнь. Уже тогда я понял,

что счастье... к нему нет пути. Счастье и есть сам путь. Ведь мы не живём ради смерти. Ведь мы не ездим городами, чтобы скорее закончить путешествие. Мы наслаждались каждой секундой, проведённой в дороге.

Х

В Филадельфию, штат Пенсильвания, мы добрались ещё до полудня. И, признаться, я был поражён. Это был один из немногих городов, которыми я восхищался именно днём.

Филадельфия – один из старейших городов США. Меня поразила изысканность парков, которая то и дело перекликалась со строгостью зданий. Это было необычное соединение, словно соединили живое с явно неживым.

Мы предпочли не останавливаться здесь. Это было подобно рыбалке: чтобы поймать крупную рыбу, нужно пожертвовать мелкой. Так вот, Филадельфия была мелочью, а вот Нью-Йорк, в который мы так стремительно хотели – крупной рыбой.

Мы были в, пожалуй, самом большом городе Америки. Мы были в городе Луи Армстронга и в городе, о котором так трогательно пел Фрэнк Синатра.

Ночлег мы нашли с трудом, так как вариантов в Нью-Йорке было очень много. Некий молодой парень, назвавший себя Дэвидом, предоставил нам ключи от нашего номера. Он так искренне улыбался нам, будто от нашего прихода зависела его жизнь.

Оставшуюся часть того дня мы провели в одном боль-

шом путешествии по Нью-Йорку. Мы увидели знаменитый Таймс-сквер, побывали на Бруклинском мосту, проходящем через пролив Ист Ривэр, побывали около статуи Свободы и просто отлично провели время. Наше путешествие Нью-Йорком затянулось настолько, что в наш номер мы вернулись лишь за час до полуночи.

Эта ночь не прошла для меня напрасно. В тот день я ясно осознал, к чему мне следует стремиться, а чего наоборот – избегать. С каждым днём я был ближе к своему счастью, что стало гораздо заметнее, нежели было.

Ещё несколько часов мы провели в утреннем городе, пока не взошло солнце. Большие и высокие здания, впитавшие в себя серину офисных будней, окрасились, как и небо, в ярко-золотистый цвет. Это было золото восходящего солнца. Мы остановились на одной из улиц с кафе, чтобы позавтракать. После этого наш автомобиль двинулся в дорогу в другой город.

Сложился некий замкнутый круг. Мы стремились попасть в Бостон и Монреаль, но навестить Детройт мы хотели не меньше. Пообещав, что мы ещё вернёмся в большой промышленный город, мы повели наш автомобиль вдоль дороги в Бостон. Несколько часов спустя мы миновали портовой городок Провиденс, который лежал на берегу Атлантического океана. Оттуда до Бостона было рукой подать.

И вот мы были в штате Массачусетс в городе, известном под названием Новая Англия. Но для нас он навсегда остался

Бостоном, кто бы как его не называл.

Я был лишь аматором в путешествиях, но одно знал наверняка: любой город лучше познавать самостоятельно на своих двух. Бостон стал ярким примером этого. Вдвоём мы прошли маршрут длиной более двух миль, но город всё не заканчивался. Моё тело изрядно устало, ноги ужасно болели. Порой мне казалось, что я не выдержу больше ни единого шага и упаду на раскалённый асфальт Бостона.

Вся эта боль не была напрасной, ведь мы дошли до отличного места, из которого открывался прекрасный вид на город. Несомненно, лишь ради одного взгляда на эту красоту стоило пройти такое расстояние. Наконец-то я смог сполна насладиться моментом настоящего, не задумываясь о будущем. Я видел Бостон на фоне Атлантического океана и этого было вполне достаточно, чтобы позабыть обо всём на свете, даже о боли моего измученного тела.

Подобно всему хорошему и плохому, что когда-либо окружало меня, это созерцание также закончилось. Теперь нам нужно было преодолеть расстояние более двух миль вновь, с разницей лишь в направлении. С каждым шагом моя уверенность в том, что я обессиленный упаду на землю, увеличивалась. Но этого, к счастью, не случилось.

Почти пять часов мы ехали до Монреаля, провинция Квебек, Канада. Мы миновали «гранитный штат» Нью-Хэмпшир и Вермонт – невероятно красивый штат. Мы теперь были в Канаде. Вся Америка оставалась позади вместе с тем,

что я успел узнать о жизни. И дорога привела нас в конце концов в волшебную страну – страну, колдовская сила которой нам и не снилась. Впереди нас ждал целый мир, ждали нас и высоченные заснеженные горы севера, которые мы видели только в кино. Последний взгляд на Америку, оставшуюся за яркими огнями границы, – и мы повернулись к ней спиной и задним бампером автомобиля и умчались прочь.

Спустя мгновение, наступившее лишь через четыре часа дороги, мы уже были в Канаде и за все пятьдесят миль, отделявшие границу и Монреаль не видели ни машины, ни огонька. Я наконец-то ожил, а ведь ещё в Бостоне я едва ли мог передвигаться. Теперь вся Канада была у наших с Питом ног. На улице вечерело. Как раз тогда над Монреалем забрезжила вечерняя заря и на небе стали появляться первые звёзды. В сумерках летнего города мы едва ли различали очертания зданий. И всё же после длительного поиска мы не нашли пристанища на эту ночь. Мы вновь расположились в машине. Пит, который, казалось, мог смириться с любыми условиями, безмятежно спал на переднем сидении. Я же заснул с трудом.

Усталость постоянно одолевала меня, но что-то внутри не давало мне уснуть. Какое-то беспокойство с возбуждением смешались с естественными эмоциями в моей голове. Но как только я ясно осознал, что это ни что иное, как нервная перегрузка и переизбыток эмоций, то уснул словно младенец.

Следующим утром я проснулся без чьей-либо помощи,

чему изрядно удивился. Только открыв глаза и ещё не сосредотачивая взгляд на чём-то конкретном, я уже почувствовал прожигающий меня насквозь взгляд Питера. И я не ошибся: в зеркале заднего вида я заметил, что он смотрит на моё сонное лицо.

– Наконец-то ты проснулся. Не обращай внимания, сегодня я не в настроении и буду грубоват. К тому же, я плохо спал и всё тело моё болит. Вставай, хватит спать. Сегодня ты за рулём.

– Смешная шутка, – ответил я с улыбкой на лице.

– Неужели я похож на комика или клоуна? – с полной серьёзностью спросил он и сразу же продолжил: – За тридцать три дня, проведённые в дороге, я изрядно устал и несколько дней хотел бы отдохнуть от руля и от кресла, которое уже продавлено под очертания моего тела.

– Но ведь я даже водить не умею! – вскрикнул я, моментально проснувшись и удобно устроившись в положении сидя.

– На самом деле здесь нет ничего сложного. Главное – не путать педали, передачи и левую руку с правой. Вот и всё. Первые несколько часов я тебе помогу, а дальше ты и без меня справишься. Итак, твоя цель на сегодня – Оттава – столица страны. Если будем ехать со скоростью не меньше шестидесяти миль в час, то доберёмся менее чем за три часа. Расстояние на самом деле вовсе не большое – какие-то 190 миль по дороге.

Так началось моё обучение вождению. Для начала мы прошли азы: как работает машина, что важно, а что нет. Судя по его словам, в машине важны лишь несколько вещей: уровень бензина, уровень воды и масла, а также водитель. Притом важное внимание Пит уделил именно педалям и коробке передач. «Если ничего не напутаешь, то до столицы доберёшься живым».

– А если попадусь полицейским? – неуверенно спросил я.

– К чёрту полицейских! Главное смотри на дорогу, ну и по сторонам тоже можно иногда. Не смотри на спидометр – это глупая вещь. Никогда не понимал, зачем она нужна в машине. И обращай внимание на указатели, чтобы случайно не свернуть куда не нужно.

– Вообще-то существуют ограничения скорости и правила дорожного движения, которые...

– Когда ты наконец поймешь, что правила созданы для того, чтобы их нарушать? Если не нарушать правил, то мир превратится в сплошное добро. Ты даже не можешь себе представить, какой ад это будет. Но хватит разговоров. Заводи мотор.

Я завёл мотор, который громко заревел. Пит сказал:

– Зачем ты так вцепился в руль? Расслабься, незачем волноваться. Просто плавно заставь автомобиль ехать. Представь, что это продолжение тебя, что это не машина, а ты сам.

Я послушал совет и выполнил его. Наш автомобиль 1967-го года выпуска двинулся в путь под моим чутким руковод-

ством. Казалось, что всё было очень просто, но какое-то волнение внутри никак не давало мне покоя. Первые несколько часов за дорогой мы следили вдвоём, а затем Пит дал мне карту Канады и сказал:

– Надеюсь, мы доберёмся целыми и невредимыми. Главное не спускай глаз с дороги.

В тот летний день под горячим солнцем Канады я впервые почувствовал всю прелесть пребывания в дороге по-настоящему. Я дышал тяжёлым воздухом, преобладавшем в нашей машине, порой дорога подбрасывала не самые приятны сюрпризы, но всё же я был безмятежно счастлив. Впервые, за все годы моей короткой жизни.

Очень скоро я решился на безумный поступок – увеличил скорость до сотни миль в час. Жаль лишь, что почти через мгновение я был вынужден тормозить. Из-за высокой температуры мне привиделся олень. То, что это был мираж, возникший на раскалённом асфальте, я понял только когда Пит начал кричать на весь салон:

– Чёрт подери, веди осторожнее!

Весь конфликт, собственно говоря, возник не только по моей вине. Пит забыл, что нужно пристегнуться, либо же просто пренебрёг этим, и, когда я резко затормозил, он едва ли не расшиб себе лоб. Виной здесь была и физика, из-за явления инерции которой мы пострадали.

К счастью, этот ворчун, который сегодня к тому же был не в настроении, злился на меня недолго. Мы увидели таблич-

ку, которая приветствовала нас в Оттаве. Теперь мы были в столице.

Столица Канады и один из интереснейших городов страны по праву считается одной из красивейших столиц мира. Умеренно континентальный климат давал о себе знать: стабильно жаркое лето и малое количество осадков посодествовали моей любви к водным объектам города. Я искренне обрадовался, как одноименной реке Оттаве, так и каналу Ридо – одной из главных достопримечательностей. Видели мы и башню мира парламента. Судя по тому, что я слышал, своей красотой город обязан первому франкоязычному премьер-министру страны. На самом же деле поразило меня не только это. Мы наконец-то сбежали от привычной строгости Америки и попали на свободу. Прекрасные зеленые деревья, на мой взгляд, придали бы большей красоты городу осенью, когда листья окрашиваются в желтый и красный цвета. Возможно, мы совершили ошибку, приехав сюда летом?

Пока мой друг временно провалился в сон, я решительно настроился миновать столицу и ехать куда-нибудь. Я понятия не имел, что ждёт меня впереди и зачем вообще еду, но, видимо, я тоже подхватил зависимость от дороги.

Конечно, Пит не упустил из виду моё необдуманное решение, однако, не сказал мне ни слова. Скорее всего, он был потрясён или даже поражён моей решительностью. Но было в нём некое чувство, которое я не мог отнести к чему-либо конкретно. Было ли это соединение гордости с ненавистью?

Человек-загадка остался для меня таинственным навсегда.

Около семи дней мы колесили по Канаде и за всё это время не видели какого-либо большого города не считая Виннипега, Саскатуна и Эдмонта. Не обошлось и без небольших поселений вроде Колд Лейк и Пламоднона. Преимущественно мы спали в автомобиле. Это были семь долгих и, порой, мучительных дней, которые мы прожили с огромным трудом. Иногда мы проезжали заснеженные горы и не могли пропустить это мимо себя. Изредка мы не только останавливались, чтобы полюбоваться горами, но и взбирались на их вершины. Вот тогда я чувствовал жизнь по-настоящему и радовался красоте, окружающей меня. Постоянно в таких случаях мне вспоминались слова Эндрю, моего соседа по палате: «Радуйся этим пустыкам хотя бы потому, что ты живой. Ведь мёртвые больше никогда не почувствуют этого».

В конце шестого дня этой «мучительной дороги» мы вернулись в Америку. Это был север материка – штат Аляска. Ещё около дня безлюдного путешествия нам понадобилось, чтобы попасть в крайнюю северную точку США – мыс Барроу и город с тем же названием. Людей здесь было не более четырёх тысяч, что не удивительно для городка с площадью в пятьдесят квадратных километров.

Здесь было холоднее, чем в Канаде, и уж точно холоднее, чем в субтропическом климате штата Аризона. Близь берегов Аляски, расположенных около северных морей, постоянно плавали небольшие айсберги и ледники. Мы не задер-

живались надолго в каком-то конкретном населённом пункте, но и не упускали ни единой возможности сблизиться с природой. Это не была красота, которую мы привыкли видеть, нет. Это была та красота природы, которая существовала ещё до появления людей и до их вторжения в жизнь окружающей среды. Возможно, именно из-за этого мне не хотелось покидать это место со своим строгим характером. Но всё же я был вынужден.

Мы поехали по Аляске ровно неделю и всё никак не могли налюбоваться. Сначала мы видели плавающие в воде айсберги Северного Ледовитого океана близ берегов Барроу, затем побывали в огромной близости с Советским Союзом, находясь в городе Уэйлс, население которого не составляло и сотни людей. Этот городок с его мысом были западной точкой североамериканского материка. Дальше был только Берингов пролив и Чукотский полуостров евразийской земли.

Затем мы наведались к горам Кускакуим. Несколько местных жителей, по всей видимости, гораздо безумнее нас, вызвались провести нас к подножию горы Мак-Кинзи, а затем – и на её вершину. Тогда я не имел понятия, что это за гора, и какая её высота. Я не знал, что мне придётся пройти порядка четырёх миль вверх.

Первую милю я прошёл без труда, впрочем, как и окружающие на тот момент меня люди. Вторая миля далась сложнее, однако особыми сложностями не отличалась. На третьей миле одному из сопровождающих нас людей стало плохо –

горная болезнь. Ветер, сухость горного воздуха и появление снега со льдом сделали своё. Мы остались вдвоём на высоте трёх миль от земли. Пути назад больше не было, поэтому мы двинулись дальше.

На высоте, которая близилась к вершине, горная болезнь начала охватывать и меня тоже. Мне становилось тяжело дышать, время от времени кружилась голова. Заметив мои симптомы, которые явно не предвещали ничего хорошего, Пит спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.